АНАТОЛИЙ СОЛОДОВ

ДЕВОЧКА С КОСИЧКАМИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В документальной повести рассказывается о Герое Советского Союза ленинградской пионерке Зине Портновой, которая, оказавшись на оккупированной гитлеровцами территории, вступает в подпольную группу, становится разведчицей партизанского отряда, беспощадно мстит врагу.

Вся короткая жизнь юной патриотки — яркий пример беззаветного служения своей Родине, своему народу.

Книга рассчитана в первую очередь на молодёжь и школьников.

-
- 1. ПРОЛОГ
- 2. ДОПРОС
- 3. ОТЪЕЗД
- 4. ВСТРЕЧА В ОБОЛИ
- 5. ОТРЯД, СТРОЙСЯ!
- 6. ВОЗВРАЩЕНИЕ
- 7. СЕРЬЁЗНЫЙ РАЗГОВОР
- 8. ФЕДЯ СЛЫШАНКОВ
- 9. МАРИЯ ЛУЗГИНА
- 10. ВСТРЕЧА С БРАТОМ
- 11. ЗИНА
- 12. НА КУХНЕ
- 13. «ПОВОРАЧИВАЙ ОГЛОБЛИ»
- 14. ЧТОБЫ КОМАР НОСА НЕ ПОДТОЧИЛ
- 15. НАЖИВКА ДЛЯ КРЮЧКА
- 16. ДЕВОЧКА С КОСИЧКАМИ
- 17. ВСТРЕЧА У МАЯКА
- 18. СЁСТРЫ
- 20. ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО
- 21. В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ
- 22. Я ВЕРНУСЬ
- 23. ПОДВИГ
- ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Советским пионерам посвящается

Автор

Герой Советского Союза Зина ПОРТНОВА

АНАТОЛИЙ
СОЛОДОВ

ДЕВОЧКА С КОСИЧКАМИ

1. ПРОЛОГ

У неё подкашивались ноги. Ещё немного пройти, и она будет там, где провела свои последние часы Зина.

Подвал. Сырые скользкие ступени вниз. И сразу коридор, узкий длинный гулкий, — бывшая гестаповская тюрьма в Полоцке,

Две женщины спустились в подвал. Одна из них, лет пятидесяти, с прядью седых волос, — мать Зины, другая, что вела сейчас Анну Исааковну за собой, была здесь в те дни.

Возле одной из массивных дверей они остановились. Тяжёлая

дверь отозвалась скрипом заржавленных петель и медленно отворилась.

— Мы сидели с ней в этой камере. Последний раз я видела вашу дочь здесь, — сказала женщина. — Это было год назад… Я уцелела чудом, а Зину увели тогда… На расстрел… Отсюда…

Анна Исааковна прижала руку к сердцу и нерешительно переступила порог слабоосвещенной мрачной камеры.

Потянуло сыростью давно заброшенного помещения. В маленькое, узкое зарешечённое окно чуть пробивался луч света. На стенах, где была отбита штукатурка, проглядывала кирпичная кладка.

— Вот здесь, — сказала женщина, — Зина провела свои последние дни. Немцы терзали её каждый день. После допросов они кидали её в эту камеру, а потом снова забирали. Я не могу говорить… Меня всю трясёт от одной только мысли, как они терзали её. А она была точно из кремня. Это маленький хрупкий цветочек. Не могу… Мне страшно вспомнить.

Анна Исааковна, сдерживая рыдание, вымолвила:

— Говорите. Всё говорите. Каждую мелочь вспомните. Все слова. Каждый вздох. Каждую слезинку. Я должна всё знать. Если она могла перенести это… Говорите.

— Она попала в руки гестапо. Сначала её держали там, наверху, даже прислугу приставили. А потом бросили в этот сырой кирпичный мешок. Они умели пытать. Это были не люди, а живодёры. Выродки!

— Зиночка… Доченька моя, — глотая слёзы, простонала Анна Исааковна.

— Уйдёмте отсюда. Я не могу вспоминать. У меня нет сил, — выдавила женщина.

Анна Исааковна закрыла глаза и некоторое время стояла молча, потом тихо проговорила:

— Что было дальше. Всё говорите.

Женщина подошла к стене напротив двери и стала внимательно рассматривать что-то на ней.

— Здесь был рисунок, — сказала она негромко. — Темно… Не видно. Неужели стёрся? Нет… Кажется, вот. Это она при мне гвоздём нацарапала рисунок — девочку с косичками. А под ним надпись была. Да вот она. Взгляните.

Анна Исааковна осторожно провела ладонью по стене, смахнула пыль. На штукатурке выступил едва приметный детский рисунок девочки с косичками, а ниже — неровные буквы: «Приговорена к расстрелу». Анна Исааковна прижалась щекой к рисунку и едва слышно прошептала:

— Зиночка. Ромашка моя. Дорогая. Ландышек беленький.

Пытаясь отвлечь Анну Исааковну, женщина проговорила:

— Уйдёмте отсюда. Поберегите себя.

— Рассказывайте всё, — требуя, сказала Анна Исааковна.

— Она не спала в ту ночь. Я это помню. На всю жизнь запомнила. Она даже ни разу не вскрикнула. Где только силы брала? Уму непостижимо… Вот как сейчас вижу… В том углу это было. Там ещё клок соломы лежал. С последнего допроса, в последнюю ночь, эсесовцы приволокли её под руки. Они бросили её в угол и ушли. Я подползла к ней с кружкой воды и остолбенела… Глаза… Её глаза… Кружка выпала из моих рук* Горло моё точно чем-то сдавило. Я не могла даже вскрикнуть. Помнится, она всё бредила. Всё вспоминала каких-то ребят, сестрёнку и ещё бормотала бессвязно: «Аистёнок, зачем ты залетел в тот дворец? Я же тебя так любила. Помнишь, как мы танцевали в том дворце? Зачем ты залетел туда? Зачем?» Я перевязала ей глаза лоскутами от платья и заплела косички. Всю ночь её голова пролежала у меня на коленях. Я всё ждала, что она очнётся, но до самого утра, когда они вернулись за ней, она так и не пришла в себя. А ещё она всё повторяла в бреду: «Не надо мне нового платья, мама. Солдатам не надо платья. Они в гимнастёрках ходят. С ремнями». А ещё повторяла: «Не плачьте, мама. Я с вами…» Утром пришли эсесовцы… И увели её… На расстрел.

2. ДОПРОС

Перед этим допросом она готовилась ко всему, даже к самому худшему, что могла предположить и представить. Она давно уже знала, что дни её сочтены, что немцы оставили ей несколько дней, а может быть, даже часов, чтобы она испытала самое страшное и самое жуткое — допросы с пытками и истязаниями. Каждый раз, когда её вызывали, она ждала этих моментов, берегла силы и нервы, чтобы вытерпеть и устоять. Иногда она верила и убеждала себя в том, что перенесёт всё, что может на неё обрушиться однажды, но чаще страшилась мысли, что не сумеет перенести физической боли. Как это произойдёт, она ещё не знала. Но то, что это действительно должно скоро случиться, она чувствовала уже по тем хитро и тонко закрученным вопросам, которые всё туже заплетали сеть вокруг неё, выбраться из которой было уже совсем невозможно и которая незримо тянула её к этим роковым моментам. Она старалась не думать о том, но не могла этого сделать — мысли, одна страшнее другой, сами по себе исподволь давили на сознание и не давали покоя ни днём ни ночью. Больше всего она боялась, что сдаётся просто от слабости, так как чувствовала, что нервы напряжены до предела, а силы за последние дни истощены окончательно. Она пыталась сном освежить свои силы и большую часть времени, пока находилась в сырой подвальной камере со сводчатым потолком, лежала на деревянном узком топчане, старалась заснуть» Она подолгу лежала с закрытыми глазами, но сон не шёл к ней. Лишь изредка она впадала в чуткую полудрёму, но даже в эти минуты каждый мускул её и каждая клеточка тела всё время находились в напряжении и тревоге. Она всегда слышала каждый шаг часового за стальной дверью и каждый шорох, который доносился оттуда. Она не знала, когда её снова вызовут на следующий допрос — немцы специально путали время, видимо преследуя определённую цель: то не вызывали подолгу, точно забывали о ней, то специально таскали по нескольку раз в сутки, через каждые полчаса, умышленно не давая отдохнуть, собраться с мыслями, оценить и разобраться в том, что из неё хотели вытянуть. Из последних допросов она уловила, что допрашивающий пересортировал весь арсенал своего следовательского мастерства, исчерпал всё своё умение и стал повторяться в вопросах, сам себя сбивая на ложную версию и стал путаться в простых вещах. Она почувствовала это подсознательно, догадалась, что время обычных, и на первый взгляд, казалось бы, ничего не значащих вопросов и ответов прошло, что следующие

допросы пойдут совсем по-другому. И она готовилась к этому. Ждала.

На тот допрос, который она ждала с особым предчувствием, её увели из камеры ночью в дальний бункер, в самом конце коридора. Всё тот же немец, поджарый и холёный, чисто выбритый, с холодными колючими глазами, с интеллигентными манерами, одетый в чёрный костюм и белоснежную сорочку, встретил её привычно спокойно. Указывая на табурет, он сухо и коротко приказал:

— Сядь.

Она давно уже привыкла к этим повелительным приказам, знала, что допрос будет длинным и изматывающим и, помня, что сидя ей будет немного легче, села — яркий свет от двух никелированных рефлекторов ударил в глаза, она зажмурилась и чуть опустила голову.

Немец не торопился с вопросами. Сначала он закурил и не спеша некоторой время из полутьмы, отрезанной ярким светом, изучающе наблюдал за её лицом. Потом заговорил осторожно и вкрадчиво и в то же время так спокойно, будто не производил допроса, а вёл беседу в домашнем кругу.

— Ты не находишь, что наш разговор с тобой немного затянулся?

Ничего не ответив, она пожала плечами.

— Пора понять — тебе нет смысла упорствовать. Мы же всё знаем: кто ты и откуда.

— Ну и что?

— Почему ты выдаёшь себя за другую?

— Я ни за кого себя не выдаю, — как можно спокойнее ответила она.

— Заученный ответ. Значит, ты утверждаешь, что ты есть Мария Козлова?

— Да.

— Справка у тебя не фальшивая. Кто тебе выдал такой документ?

— Бургомистр.

— Где ты жила?

— В деревне Барсуки.

— Ты никогда не проживала там. Ты из деревни Зуи.

— Я никогда не была в деревне Зуи.

— Была. Хотя ты всё время там и не проживала. Ты родилась в другом месте. Ты приехала в Зуи. Откуда ты приехала? Когда?

— Я ниоткуда не приезжала.

3. ОТЪЕЗД

Девочки уезжали в деревню в первых числах июня. Билеты на поезд были куплены за несколько дней, чемодан упакован заранее. И хотя к отъезду всё давно уже было готово, мать с утра исхлопоталась.

Решение отправить детей на всё лето к бабушке было принято давно и до самого последнего дня она была спокойна, а вот перед самой разлукой сердце её затосковало. Одно мгновение она даже хотела отложить отъезд, но вспомнив, что отослана телеграмма и что бабушка, поди, заждалась внучек, которых не видела, считай, целую вечность — как она писала в письмах, — решила не передумывать.

«Поздно, — вздыхала Анна Исааковна. — Пусть едут. Пусть побегают босиком по траве, искупаются в речке, позагорают и попьют парного молока. Не к чужим ведь едут».

Галя, младшая дочь, которой недавно исполнилось восемь лет, сперва отказывалась есть на дорогу, но когда мать пригрозила, что оставит её дома и отправит одну Зину, примолкла и без лишних разговоров быстро управилась с супом, который так не любила, и съела котлетку.

— Ты её там не балуй, — сказала мать Зине. — Обязательно заставляй первое есть.

— Буду, — пообещала Галя.

— А ты слушайся во всём сестру и старших.

— Постараюсь. Я уж не маленькая.

Мать улыбнулась:

— Смотри, какая хорошая стала.

И вправду, маленькую Галю будто подменили: весь день она находилась в таком радостном возбуждении и была до того послушна, что мать только удивлялась, а отец, обычно молчаливый и строгий, радуясь счастью дочери, приговаривал:

— Ишь, расщебеталась как. Даже и мне захотелось в деревню.

А Зина в эти дни, чувствуя ответственность, которую возлагали на неё родители, была серьёзна. Она прибрала свои тетради и книги в письменном столе, вымыла полы и окна, смахнула пыль на шкафу и буфете, помогла маме вымыть посуду, почистила обувь и ненадолго ушла из дома. Она решила сбегать во Дворец культуры, где четыре года занималась в танцевальном кружке и уже не раз выступала на сцене в балете «Аистёнок», исполняя заглавную роль в этом спектакле. Зина миновала пустынное притихшее фойе, тихонько приоткрыла дверь зала, прошла между кресел в насторожённой и прохладной полутьме.

На цыпочках подбежала к сцене, погладила ладонями ласковый бархат оркестрового барьера, потом взбежала на сцену и вдруг вихрем понеслась по ней, исполняя отрывок любимой партии, сама себе громко напевая мелодию танца. Гулкий зал отозвался эхом: под высоким лепным потолком долго звенели хрустальные звёздочки на огромной люстре. Зина несколько мгновений стояла посередине сцены, боясь шелохнуться. Слёзы подступили к глазам, и ей стоило большого усилия удержать их. Она запрокинула вверх голову, и, когда немного успокоилась, прошлась вокруг сцены. За кулисами прижала к щеке тяжёлый шероховатый занавес, сошла в зал, посидела немного в кресле, потом вышла на улицу.

Домой возвращалась пешком, по любимой шумной улице. Мимоходом заглянула в школу, в которой училась. Несколько минут посидела за своей партой и мелом на доске широким детским почерком написала: «До свидания!»

Она шла по улице не спеша. По широкому асфальту мчались автомобили, проносились, звеня и громыхая, трамваи. Её задевали, толкали встречные прохожие, но она их не замечала. А дома её заждались все: и мать, и отец, и маленькая сестрёнка Галя. И хотя времени до отъезда было предостаточно, мать, открыв дверь, сказала:

— Я уж волноваться стала.

— Я, мам, в школу ходила и во Дворец заглянула. Там так одиноко и пусто теперь, что просто сердце щемит.

Сестрёнка Галя, выглянув из-за двери комнаты, недовольно выговорила:

— И где ты гуляешь, Зиночка. Опоздать хочешь. Пора на вокзал ехать.

— Не торопись, Галчонок, — ответила Зина. — Времени у нас с тобой много.

Перед тем, как отправиться на вокзал, Зина напоследок оглядела небольшую, всегда чисто прибранную и уютную комнату, точно старалась надолго запомнить каждый предмет и увезти воспоминание о них. Подойдя к окну, заглянула вниз во двор, с четырёх сторон зажатый высокими серыми домами — внизу сушилось чьё-то бельё, в углу прыгали дети на расчерченном мелом асфальте, играя в классы. Всё привычно и давно знакомо, и двор не вызвал в душе девочки никакого ощущения — ей было не жаль расставаться с ним. Она отвернулась от окна. Взгляд задержался на двух портретах, висящих на стене, — фотографиях отца и матери. Мать на снимке была молодая, красивая, в цветастом светлом платье, а отец в военной форме, в пилотке, лихо сдвинутой чуть набок. Правая

рука отца сжимала солдатский ремень, а левая лежала на плече матери.

Зина улыбнулась, взглянула на мать, которая укладывала в сумку еду на дорогу, увидела много мелких морщинок на лице её, которых раньше не замечала. На лице отца отпечаталась забота и грусть,

— Ну вот, кажется, и всё, — негромко сказала мать.

— Присядем перед дорогой, — предложил отец.

Присели. Несколько секунд они молчали, каждый думая о своём.

Маленькая Галя пристроилась на диване. Она удивлённо глядела на старших и не могла понять, чего это они вдруг замолчали и не торопятся. В комнате было тихо и торжественно, как под Новый год, в ожидании боя курантов, лишь негромко и сухо постукивали старые ходики на стене да чей-то патефон на верхнем этаже пел боевую походную песню: «По военной дороге шёл в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год…»

Выйдя на улицу, они направились к трамвайной остановке. Сели в старый прицепной вагон, кондуктор дёрнул за верёвочку — в другом вагоне звякнул звонок, и трамвай, вздрагивая и громыхая, понёсся по шумным и оживлённым улицам города с множеством старинных зданий, красивых памятников и ажурных мостов через каналы. Был тот час летнего вечера, когда народ вышел погулять, оттого город выглядел праздничным.

Вокзал, большой, величественный, с высокими колоннами, встретил их шумом и суетой. Все здесь почему-то спешили, толкались и громко разговаривали.

По площади, печатая твёрдый шаг, спокойно и уверенно прошли красноармейцы в касках, со скатками через плечо и подсумками на ремне, с вещмешками за спиной и с винтовками, на которых поблёскивали трёхгранные шильные штыки. Загорелые лица солдат были серьёзны.

Мать, придерживая детей за руки и еле поспевая за отцом, на ходу говорила:

— Чего торопишься? Успеем, ведь.

— Дела кой-какие найдутся, — ответил отец не оборачиваясь. — То да сё… Пятое — десятое… А на это тоже время надо.

Дела у отца на вокзале действительно кой-какие нашлись: то ему пришлось узнавать о времени посадки на поезд, то понадобилось сходить на почту за конвертами, то сбегать в буфет за водой на дорогу, мороженым и конфетами.

— И зачем столько конфет нам? — Зина удивлённо пожала плечами.

— Берите, — ответил отец, засовывая коробку в сумку с продуктами. — Вы же у меня сластёны. Когда-то теперь доведётся полакомиться.

— И то правда, — согласилась мать. — Бабушку угостите.

Вверху, где-то под самым потолком, раздался хриплый голос из репродуктора: «Граждане пассажиры, поезд Ленинград — Витебск отправляется с пятого пути, от четвёртой платформы, в 20 часов 14 минут, Просьба пассажирам занять свои места».

— Это наш, — сказала Галя. — Пойдёмте скорее.

— Не суетись, Галчонок, — успокоила её Зина. — Успеем.

Они вышли на платформу, отыскали свой вагон. Проводница проверила билеты.

В вагоне отец усадил их на место, спрятал под нижнюю полку чемодан.

— Как поезд тронется, — сказала мать, — поужинайте и ложитесь спать. Что-то я ещё хотела вам сказать… Ах, да. Пишите почаще. Слушайтесь бабушку и помогайте ей по хозяйству.

Отец посмотрел на часы:

— Пять минут до отправления.

Мать прижала к груди Галю, поцеловала в голову — Зину в щёку. Отец тоже поцеловал детей.

Мать с отцом поднялись и стали пробираться к выходу. Девочки остались одни в вагоне. Потом мать и отец стояли на платформе, за открытым окном, и, не отрываясь, глядели на Зину и Галю. Мать комкала в руках платок, с трудом сдерживая слёзы. Галя смеялась, без конца повторяя:

— До свидания! До свидания!

Зина молча улыбалась одними глазами. И боясь расплакаться, покусывала нижнюю губу.

Пробил колокол, ответно ему просвистел паровоз, лязгнула сцепка, вагоны вздрогнули и медленно поплыли вдоль платформы.

Мать кинулась к окну, схватила Зинины руки, принялась целовать их. По щекам её текли слёзы, и Зина почувствовала, какие они горячие.

Анна Исааковна бежала возле окна за вагоном и всё никак не могла оторвать своих рук от маленьких худеньких ладоней Зины.

— Прощай, мама! — выкрикнула из окна Зина и тоже вдруг заплакала.

Мать разжала пальцы — поезд будто ожидал этого: он точно почувствовал свободу, прибавил скорость, вагоны побежали вперёд всё быстрей и быстрей, заспешили в темноту. Мать стояла на платформе и ловила взглядом мелькавшие вагоны. Вот пронёсся последний, сверкнув горячим рубиновым фонарём.

Жгучие слёзы обожгли щёки женщины. Перед глазами таяли и расплывались где-то далеко огни светофоров, среди которых затерялся рубиновый огонёк того состава, который уносил её дочерей в темноту, вдаль. А вскоре смолк и шум ушедшего поезда.

* * *

Поджарый и холёный, с холодными колючими глазами гитлеровец, как всегда не торопился с вопросами. Сначала закурил, разложил на столе какие-то бумаги, а потом спросил:

— Ты утверждаешь, что никогда не проживала в деревне Зуи. На самом деле там тебя хорошо помнят и знают.

— Я никогда не была там.

— Почему же тогда начальник обольской полиции опознал тебя?

— Ошибся. Он, видимо, спутал меня с кем-то?

— Лжёшь!

— Нет.

— Он тебя хорошо знал…

— Я никогда не видела его.

— А он утверждает, что видел,

— Поклёп.

— Поклёп? Что это такое?

— Он наговорил на меня. Он, видимо, был не в своём уме.

— Не убедительно. Зачем ему надо было делать на тебя поклёп?

— Не знаю.

— Вот видишь, тебе уже нечего ответить на простой вопрос. Нет, кляйне медхен. Он был в своём уме. У кого ты жила в Зуях?

— Ни у кого.

— Так не могло быть.

— Могло.

— Врёшь! Откуда ты приехала в Зуи? К кому?

— Я ни к кому не приезжала…

4. ВСТРЕЧА В ОБОЛИ

Прибытие поезда Ефросиния Ивановна ожидала с большим нетерпением — ей хотелось поскорей увидеть внучек, по которым очень соскучилась. Вместе с ней поехал встречать и её внук Федя. Поезд прибывал на станцию Оболь по расписанию в полдень, а Ефросиния Ивановна и Федя из опасения опоздать почему-либо, и с самого раннего утра находясь в беспокойстве, загодя подъехали к станции на пегой лошадёнке, запряжённой в телегу. Времени до прибытия поезда оставалось ещё предостаточно, и, не зная чем скоротать его, они уселись на лужайку возле коновязи.

Федя по-взрослому ворчал на то, что рано выехали и что зря поэтому теряют время. Однако Ефросиния Ивановна всякий раз урезонивала его:

— Рано — не рано, а так спокойнее. Не прозеваем. Мыслимое ли дело откуда едут. Да при том дети, да притом одни, без родителей. И с пересадкой тут всего натерпишься. А ты — рано.

По путям в сторону Витебска и Полоцка проносились товарные поезда, а того пассажирского, с которым должны прибыть Зина и Галя, не было. И чем меньше оставалось времени до подхода поезда, тем все более беспокоилась Ефросиния Ивановна.

— Уж не случилось ли что? — хмурилась старая женщина. — Ты, Федя, сходил бы, что ли, к начальнику станции. Разузнал бы про поезд — придёт али нет?

— Придёт. Куда ему деться, — отмахивался Федя, но сам всё же сходил к дежурному, справился.

На третий раз он вернулся и сказал:

— Только что позвонили с разъезда дежурному и сообщили, что поезд минуту как миновал их.

— Чего же мы сидим тогда, — засуетилась Ефросиния Ивановна. — Пошли, что ли.

— А зачем идти? Здесь ждать будем. Пятый вагон ваккурат возле этой скамейки останавливается.

Но Ефросиния Ивановна всё же встала, подошла к самому краю платформы, прищурилась, стала высматривать поезд.

Из станции вышел дежурный, в кителе с металлическими пуговицами, в красной выгоревшей фуражке и двумя флажками в чехле. Поздоровался с Ефросинией Ивановной.

— Здравствуй, — ответила она и поинтересовалась, скоро ли будет.

— Сейчас придёт.

— Хуже нет ждать да догонять.

— Это верно. Только паровоз кнутом не подгонишь, как лошадь. Расписание.

За перелеском, с правой стороны от одноэтажного кирпичного здания обольской станции, где-то далекодалеко, пропел напряжённый свисток паровоза. А немного погодя оттуда сначала еле слышно, а потом всё громче и отчётливее стал нарастать шум и грохот приближающегося состава.

— Идёт, никак? — встрепенулась Ефросиния Ивановна и торопливо стала поправлять платок на голове.

— Точно по графику, — взглянув на часы, сказал дежурный и вынул красный флажок из чехла.

Минута-другая, и вот лоснящийся от масла паровоз стал сбавлять скорость. Проплыли вагоны. Перед глазами Ефросинии Ивановны мелькнуло множество незнакомых лиц в окнах — нет не они. И вдруг что-то очень знакомое и близкое увидела она в озорных и радостных глазах двух девочек в белых панамках. Ну, конечно, это они! Зина и Галя.

— Внучки! — старушка пошла к раскрытой двери вагона, где на подножке стояла заспанная проводница, из-за спины которой нетерпеливо махали руками Зина и Галя. Поезд остановился — девочки выпорхнули из вагона и кинулись на шею бабушке, а та обхватила их и принялась целовать.

— Батюшки, дождалась-таки. Уж и не чаяла. Думала помру и не увижу моих пташечек. Ну, здравствуйте. Не страшно было одним ехать-то?

— Нисколечко, — смеясь откликнулась Галя. — Мы ведь знали, что ты нас встречать будешь.

— И то верно, цыпляточ ки.

Ефросиния Ивановна вытерла краем платка слезу, взяла из рук Гали узелок, а Феде наказала нести чемодан. Они прошли за станцию, где у коновязи стояла лошадь и подле неё лежал пятнистый жеребёнок, дремал на солнышке.

Ефросиния Ивановна раструсила в телеге сено, усадила в самую середину Галю, сама с Зиной примостилась сзади, Федя пристроился в передке рядом с чемоданом.

— Ну, поехали, — он чмокнул, тронул вожжами, телега скрипнула и тронулась.

Жеребёнок проснулся, приподнял удивлённую голову, потом пружиной вскинулся с земли и поскакал следом.

— Какой прыткий! — засмеялась Галя и протянула руки к жеребёнку. — Коняшка, коняшка иди ко мне. Иди хорошая.

Глядя на жеребёнка, Зина смеялась, а бабушка приговаривала:

— Вашему приезду обрадовался.

Федя в шутку пытался достать жеребёнка на ходу хворостиной, но тот бойко увёртывался и резво ржал, точно поддразнивал.

Вскоре они въехали в посёлок с одноэтажными бревенчатыми домами. Встречные местные жители кивали Ефросинии Ивановне, здоровались и, остановившись у обочины, смотрели ей вслед, провожая приезжих девочек внимательным взглядом.

Колёса прогромыхали по гулкому деревянному мосту через неширокую чистую речку; за ней, на пологий взгорок поднималась улица деревни Зуи. Федя подстегнул лошадь вожжами, и она, не сбавляя бега, вынесла телегу к противоположной окраине и остановилась у калитки. За потемневшим от времени частоколом в кустах смородины и шиповника приютилась избушка с двумя окнами, крытая щепой.

— Приехали, — сказала Ефросиния Ивановна, ссаживая с телеги Галю.

Она растворила калитку и шикнула на большого серого петуха.

— Бабуль, — спросила Галя, — а мы здесь жить будем?

— Здесь, милая.

Какая избушка у вас… Как на курьих ножках.

— Уж какая есть. Не взыщи, милая.

— А она мне нравится.

Помолчи ты, скворец, — одёрнула Зина сестрёнку.

Бабушка отомкнула замок, открыла дверь и, шагнув в полутёмные сени, предупредительно сказала Гале:

— Не споткнись. У меня тут половицы старенькие.

Они вошли в горницу, маленькую, опрятную и уютную.

Убранство её было по-деревенски простое: в углу стояла кровать, застланная голубым одеялом, напротив стол, прикрытый чистой скатертью, за ним — деревянные лавки, в углу икона с лампадкой, у стены старый комод, на нём зеркало, цветы в кувшине, старая книга да альбом с фотографиями. А возле самой двери прилепилась печь с полукруглым закоптелым очелком и лежанкой, задёрнутой цветной ситцевой занавеской. На стенах — фотографии родственников, среди которых Зина и Галя увидели и себя.

Федя внёс в избу чемодан и весело сказал:

— Угощай, бабуля, гостей. Они небось с дороги проголодались.

— Да уж скряжничать не буду по такому случаю, не беспокойся, — отозвалась Ефросиния Ивановна и засуетилась, накрывая на стол.

И как не просила Зина с Галей не хлопотать из-за них,

бабушка всё равно не послушалась и быстро понаставила столько угощения на стол, что девочки смутились.

— Бабуль, — сказала Галя, всплеснув руками, — зачем вы столько наготовили всего.

— Ничего, миленькие, — улыбнулась бабушка. — Садитесь и хоть помаленьку отведайте всего.

Бабушка достала из комода бутылку красного вина, налила маленькую рюмочку себе, а детям сладкого компота из ягод и весело сказала:

— По такому случаю так и быть пригублю. Она подняла рюмку.

— С приездом, внучки. Спасибо, что не забыли меня, старую.

Бабушка выпила полрюмки, вытерла ладонью губы и стала угощать Зину с Галей. Она всё время подкладывала в тарелки детям то блинов, то творога, то варёную курицу, подсовывала пирожки с мясом, топлёное молоко.

Галя взмолилась:

— Хватит, бабуля, а то я лопну.

К Ефросинии Ивановне пришли соседи. В избе стало шумно и весело. Бабушка угощала гостей чаем и вишневым вареньем, а Зина и Галя, счастливые и радостные, рассказывали о Ленинграде, о маме и папе, о себе и о том, как они доехали.

Морщинки на лице Ефросинии Ивановны светились, точно на них упал луч солнца. Она поглядывала на внучек и чувствовала себя помолодевшей. Порой ей не верилось, что Зина и Галя сидят у ней в переднем углу и наперебой рассказывают о городской жизни, и она наяву слышит их голоса.

Гости, забежавшие на минутку взглянуть на Зину и Галю, задержались. Они неторопливо пили чай, степенно и спокойно говорили о жизни, о работе в колхозе, мимоходом коснулись политики. Поговорили о том, что Германия захватила всю Польшу, что она всё ещё воюет с Англией, что в Европе уж слишком неспокойно и, как знать, чем всё это кончится.

За разговором взрослые не заметили, как маленькая Галя примолкла за столом в уголочке и задремала. Бабушка взяла её на руки и перенесла на постель.

Понемногу гости стали расходиться. Федя посидел ещё немного и тоже собрался уходить: ему надо было поставить лошадь в конюшню. Прощаясь, сказал:

— Ты, Зина, наведайся и к нам как-нибудь с Галей.

— Придут, — ответила за Зину бабушка. — Куда они денутся.

Ефросиния Ивановна принялась прибирать со стола, а Зина, повязав старенький бабушкин фартук, става помогать ей. Потом бабушка показала Зине и Гале своё хозяйство: огород, хлев и

погреб, крытый соломой. Вместе накормили они поросёнка и напоили телка, который пасся на лугу, на привязи. Потом ходили встречать стадо. А когда бабушка доила корову, Зина и Галя стояли рядом, смотрели и слушали, как звенят о подойник тугие и прямые, точно натянутые струны, белые струйки молока.

К вечеру около дома Ефросинии Ивановны собралась молодёжь из деревни Зуи, пришли также и обольские девчата и парни. Позвав Зину и Галю, ребята гурьбой сходили в лес за сушняком и разожгли костёр на лужайке напротив дома Ефросинии Ивановны.

Ребята сидели на траве вокруг костра, рассказывали смешные и страшные истории, веселились и спорили. Костёр шумно потрескивал, жаркое пламя его высоко взвивалось вверх к тёмно-синему небу, в непроглядной глубине которого ярко светились и мерцали зелёные крупные звёзды.

* * *

Всё тот же гитлеровец, в чёрном костюме, изучающе глядя на лицо девочки, сухо спросил:

— Где ты была до войны? Чем занималась?

— Жила в деревне.

— Конкретнее. Что делала?

— Училась в школе.

— Ещё что?

— Помогала взрослым в поле.

— А ещё?..

— Ходили с ребятами в лес, в поле, собирались у костра, купались в речке.

— Зачем ходили в лес?

— Собирать грибы и ягоды.

— Кто твои друзья в Зуях?

— У меня нет там друзей. Я никогда не была там.

5. ОТРЯД, СТРОЙСЯ!

Зина быстро сдружилась с местными мальчишками и девчонками, сразу стала среди них своя. Она была весёлой и общительной девчонкой.

Деревенские ребята часто собирались где-нибудь около школы или у колхозного амбара. Шумной ватагой бежали они на речку или отправлялись в лес. Они забирались в самую глушь, подолгу блуждали, отыскивая всё новые затаённые места, открывали едва приметные тропы через непроходимые болота. Им было интересно и немного страшно в лесу.

Заводилой в таких походах был всегда Езовитов Женя, которому в то время шёл восемнадцатый год, Ребята иногда сердились на него за то, что он слишком далеко уводил их от посёлка. Часто спрашивали: «Не заблудился ли?» На что Езовитов всегда с улыбкой отвечал:

— Слушайтесь старшего, идём как надо. — И всегда. точно выходил к посёлку.

Все вместе они ходили и в клуб. Нашлось у них дело и в школе. Целую неделю они приводили её в порядок, готовя к новому учебному году: мыли полы, окна, двери, красили парты.

Как-то раз Борис Кириллович Маркиямов — учитель обольской школы — попросил ребят выйти в поле на прополку капусты.

Зина встала пораньше, наскоро перекусила, прихватила приготовленные с вечера узелок с едой и бутылку молока, и отправилась к школе, где договорилась встретиться с ребятами.

К назначенному часу все были в сборе.

Пришёл Борис Кириллович Маркиямов, ребята как по команде встали и окружили его плотным кольцом.

— Здравствуйте, комсомолята, — сказал Борис Кириллович и, оглядев всех внимательно, спросил: — Все пришли?

— Все! Можно идти?

— А сколько нас? А ну-ка, отряд, стройся!

Ребята выстроились в ровную шеренгу и рассчитались. Зина стояла крайней на левом фланге и, когда до неё дошла очередь расчёта, выкрикнула из строя громко и задорно:

— Двадцать второй! Расчёт закончен!

Борис Кириллович посмотрел на Зину и улыбнулся:

— Добре. Тут, я вижу, с нами и ленинградский пролетариат. Отличный боевой отряд получился. Такому отряду барабан и знамя надо. А ну-ка, Женя, и ты, Тоня, вы постарше всех, — Борис Кириллович кивнул Езовитову и Лузгиной, — принесите из

Ленинской комнаты барабан и знамя.

Тоня и Женя вынесли красное шёлковое знамя с вышитой золотом звездой на нём.

Ребята перестроились в колонну по двое, замерли по команде «смирно».

— Отряд, шагом марш! — скомандовал Маркиямов,

Вздрогнул барабан и рассыпал боевую походную дробь. Ребята шли по улице, и задорная песня звенела над ними:

Орлёнок, орлёнок,
Взлети выше солнца
И степи с высот огляди…

Заслышав песню, люди выходили из домов, встречали ребят улыбкой.

Обширное ровное поле, окаймлённое с двух сторон невысоким кустарником, начиналось за переездом железной дороги. Взрослые уже были там, но к работе не приступали.

Борис Кириллович сходил к бригадиру, переговорил с ним и вскоре вернулся к ребятам, которые пристроились в тени, под кустами, у края поля. Он рассказал им, где они будут работать. Ребята разбились на два звена, встали вдоль грядок и, не ожидая команды, начали прополку.

Зина шла рядом с Ниной Азолиной. Работа эта для Зины была непривычная. Она рвала сорняк неумело, часто обламывая корень. Вскоре она почувствовала, что руки её стали наливаться тяжестью. Стараясь не отстать от других и не показать своей неумелости, Зина торопилась. Нина, заметив, что Зина никак не может приноровиться к работе, шепнула ей:

— Ты не гони. И не рви всё. Мелкие травки пропускай. А ещё почаще выпрямляйся, а то поясница болеть будет.

— Уже начинает, — ответила Зина.

— Крестьянский труд — всегда на пояснице.

— Вам часто приходится работать в поле?

— Да нет, не всегда. Не заставляют ведь. Да разве усидишь всё лето без дела. Взрослым вон как достаётся.

За разговором Зина и не заметила, как вместе с ребятами она подошла к краю поля. Первый ряд был прополот. Зина с трудом выпрямилась. Поясницу ломило от непривычки.

— Ой, рученьки работают, а спина виновата, — смеясь сказала Нина Азолина.

Зина обернулась, взглянула на пройденный ряд и удивилась: то тут, то там, возле голубовато-зелёной капустной рассады торчали щетинистые пучки сорняка.

— Ты что же, Зинаида, с пропуском рвёшь? Аль рук маловато? — незлобно съязвил её двоюродный брат Слышанков Федя, поглядывая из-под низко опущенного ломаного козырька кепки на её грядку.

— Помолчи, шалопут, — цыкнула на Федю Нина Азолина и шлёпнула его по затылку.

— Так его, Нинок, — сказал Борис Кириллович и, обращаясь к Зине, добавил: — Ты особо не переживай, Портнова.

Отдохнув немного, ребята пошли вдоль бороздок по второму заходу.

Солнце поднималось выше и выше. Становилось всё жарче. Зина раскраснелась, лицо покрылось капельками пота, а спина и вовсе онемела, не распрямить. Очень хотелось пить. Она думала о бутылке с молоком, но отойти не решалась — боялась отстать от ребят. Она видела, что они тоже устали, однако не подавали вида, а шутили и смеялись, и это придавало ей сил, и она продолжала работать, удивляясь, как это она ещё может идти по полю и дёргать без конца эту ненавистную колючую траву, которой, казалось, никогда не будет конца.

Со стороны переезда послышался спешный топот копыт. Мальчик лет двенадцати летел на коне во всю прыть к полевому стану. Он хлестал коня кнутиком и громко кричал: «Все в посёлок! Скорей! Скорей! Война-а!»

— Что он кричит? — не расслышав всех слов, спросила Зина.

— В посёлок, кричит, бежать надо, — ответил Федя Слышанков и, вдруг сорвавшись с места, понёсся через грядки в сторону посёлка. Ребята бежали, обгоняя друг-друга, а следом за ними по другую сторону дороги, прямо по полю, спешила толпа женщин, которые работали за полевым станом.

Зина летела за всеми, всё ещё не осознавая случившегося, сердце её сильно колотилось в груди, пот застилал глаза, а в ушах что-то тревожно гудело. Впереди кто-то упал — мелькнула ссадина на локте, Зина приостановилась, помогла подняться и вновь побежала вперёд, не пытаясь далее уяснить, кто бы это мог быть, — все мысли её были там, в посёлке, куда теперь бежали люди.

Вся площадь перед поселковым советом была заполнена народом. Собрались не только из Оболи, пришли люди из примыкавших к посёлку деревень Мостищи, Зуи, из деревни Ушалы и с торфо- и льнозаводов.

Нина Азолина и Зина попытались было протиснуться ближе к крыльцу здания, но это им не удалось, и тогда они зашли сбоку, чтобы лучше слышать голос, доносившийся оттуда.

Тяжёлый стол, вынесенный из правления, стоял под окнами,

почти вплотную к стене, на нём — табурет, на который был поставлен высокий приёмник. Зелёный шнур тянулся к нему из раскрытого окна.

Толпа народа в молчаливом тревожном ожидании глядела на ящик приёмника, возле которого стоял председатель поселкового совета и сосредоточенно крутил рукоятки настройки.

Из приёмника доносилось потрескивание и свист. Вдруг председатель наклонил голову и, видимо, услышал что-то. Он быстро повернулся к народу, предупредительно поднял вверх руку. Все, кто стоял на площади, подались чуть вперёд и застыли на месте.

Тяжёлые, точно вылитые из металла слова раздались из динамика, ударили в каждое сердце людское. Суровый взволнованный голос диктора произнёс: «Говорит Москва! Говорит Москва! Слушайте правительственное сообщение!»

Голос смолк. Но через какой-то миг к людям, застывшим в оцепенении и тревоге, полетели слова одно тяжелее и горше другого: «Сегодня, 22 июня, в 4 часа 30 минут войска фашистской Германии без объявления войны вероломно напали на территорию Советского Союза. Вражеская артиллерия обстреляла пограничные районы, после чего войска гитлеровской Германии перешли в наступление по фронту от Балтийского до Чёрного моря. Вражеская авиация бомбила города Брест, Киев, Минск, Одессу, Ригу, Харьков. Красная Армия даёт сокрушительный отпор агрессору по всему фронту. Враг несёт огромные потери в живой силе и технике».

Диктор читал текст размеренно, неторопливо и как будто спокойно, но за этим кажущимся спокойствием скрывалась та потаённая взволнованность, которая невольно передавалась людям и которая в то же время вселяла уверенность и надежду.

Стараясь запомнить из сообщения как можно больше и не пропустить ни единого слова, Зина с напряжённым вниманием, закрыв глаза, слушала диктора, который громко чеканил слова: «Враг будет разбит! Победа будет за нами! Смерть немецким оккупантам!»

Последние слова ударили в сердце током — Зина невольно вздрогнула и вдруг почувствовала, как тело её словно опалило огнём. Потом из приёмника раздались звуки военного марша.

Председатель увернул рукоятку громкости в приёмнике — музыка удалилась. Он переждал немного, потом поднялся на стол, посмотрел на всех молчаливым взглядом, откашлялся и громко выкрикнул:

— Товарищи! Вы! Весь народ наш не хотел этой: войны. Мы никому не грозили. Зверь сам заполз на нашу землю. Наша

Красная Армия переломит хребет этому зверю! Так будет! Потому как с нами правда..? А правда и Ленин непобедимы! И долг каждого гражданина сейчас, от мала до велика, помогать нашей родной Красной Армии. Все силы свои мы должны отдать отныне фронту, победе!

Тревога охватила Зину. Она медленным взглядом окинула толпу, стараясь на лицах людей найти ответ на вопрос: «Как быть? Что же делать теперь?» Но как ни старалась проникнуть в их души, она не могла ничего уловить в их настроении, кроме растерянности. Лица у всех были хмуры и скорбны, будто всех, как одного, придавило огромной непосильной тяжестью.

От поселкового совета Зина возвращалась вместе с бабушкой и сестрёнкой Галей. Они тоже были на площади, и их встретила она уже тогда, когда люди, негромко переговариваясь, стали расходиться.

Бабушка шла темнее тучи, крепко держа за руку маленькую внучку. Зина молчала тоже, поглощённая своими мыслями.

На мосту их нагнал мужчина в промасленных твёрдых штанах, в сером помятом пиджаке и выгоревшей пыльной рубахе. Лицо его худое и небритое с острым носом тоже выглядело выгоревшим и пыльным. Он дымил козьей ножкой, глухо и хрипло покашливал.

Бабушка даже не повернула головы, только лишь чуть скосила глазом. Шли молча. А когда миновали мост, мужчина криво ухмыльнулся:

— Свершилось!

Бабушка сверкнула глазами:

— Что свершилось?!

— А я что? Нешто я говорю что? — оправдался он. — Я говорю, что все говорят. Война идёт. Да! Дела божьи — суд царёв.

— Помолчи! — оборвала его бабушка. — И без тебя тошно.

Она сплюнула и свернула в проулок, к дому, не попрощавшись.

* * *

Немец, как всегда, не торопился с вопросами. Сначала он закурил, спокойно и не спеша, и некоторое время из полутьмы, отрезанной ярким светом, изучающе наблюдал за её лицом. Потом заговорил осторожно и вкрадчиво:

— Ты напрасно упорствуешь. Я всё знаю.

Ничего не ответив, она пожала плечами.

— Как твоя настоящая фамилия?

— Козлова.

— Лжёшь. Твоя сказка, кляйне медхен, потерпела крах. Я специально позаботился, чтобы доказать это.

Он встал из-за стола, прошёл к двери, открыл её и крикнул дежурному что-то по-немецки. Вернулся к столу, сел. Следом за ним в бункер кто-то вошёл.

— Вы знаете эту девочку? — спросил немец.

— Нет.

— Припомните хорошенько… Вы никогда раньше её не видели?

— Нет, никогда.

— А ты знакома с ней? — потягивая пальцы, спросил немец девочку.

— Я не знаю этой особы и никогда раньше не видела её, И не хочу знать.

— Гут, — немец потёр виски пальцами. — Ваша фамилия, имя? — обратился он к вошедшей.

— Козлова Мария.

— Где ты живёшь?

— В деревне Барсуки.

— Взгляни, — сказал немец девочке, сидящей напротив него. — Вот настоящая Мария Козлова.

Девочка с косичками подняла голову и спокойно и равнодушно посмотрела на вошедшую: справа от неё, в трёх шагах, стояла невысокая девица весьма подозрительного вида, лет восемнадцати.

— У вас при себе аусвайс, фройлин! — спросил немец девицу в ядовито-жёлтом берете»

— Да, — она достала из редикюля серый аусвайс с фашистским орлом на обложке.

Немец раскрыл документ и протянул его через стол к самому лицу девочки с косичками.

— Вот посмотри. Это аусвайс удостоверяет личность настоящей Марии Козловой.

— Враньё!

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Приближение фронта в посёлке почувствовали вскоре после объявления войны. Надвигающаяся опасность с каждым днём нарастала. Сначала тревога охватила посёлок и окрестные деревни Зуи, Мостищи, Ушалы, когда стали провожать первых новобранцев. Зина плакала вместе с женщинами, которые собрались на станции проводить своих сыновей и мужей на фронт.

Вскоре в обольской школе разместился военный госпиталь. Зина вместе с другими ребятами и девчатами ходила в школу выносить на улицу парты, расставлять в классах койки. Появились первые, привезённые откуда-то издали раненые. В этом наспех устроенном госпитале она помогала, так же как и другие девочки, санитарам: ходила за водой для кухни, разносила обеды, читала раненым скупые сводки с фронта. Каждый день, с утра до вечера, а случалось и ночью, ока дежурила в госпитале. Днём она старалась держать себя в руках: была сдержанна и собранна, но нередко, придя домой, тайком, чтобы не заметила бабушка, тихо плакала. Ей было всего-навсего пятнадцать лет и по существу она была ещё ребёнок, но уже эти первые тяжёлые впечатления от госпиталя суровили её мягкий характер, ожесточали и сжимали в кулак волю.

В короткое время за каких-то несколько дней девочка сильно изменилась, стала серьёзней. Бабушка не узнавала Зину и, часто глядя ка неё, вздыхала и спрашивала:

— Что с тобой, Зинок? Не заболела ли ты?

— Нет, — отвечала Зина. — Маму вспоминаю часто. Скучно.

— Тоскуешь по дому. Не думай особо часто. Всё обойдётся. Напиши лучше письмо.

И Зина писала письма домой. Сообщала о своей и Галиной жизни в Оболи. А когда над посёлком с надрывным тревожным гулом стали пролетать немецкие самолёты с чёрно-жёлтыми крестами, она написала маме: «Не уехать ли им из деревни домой?»

Но на это письмо Зина не получила ответа. Случилось вот что: через Оболь прошла группа красноармейцев. Командир забежал в школу, передал приказ об эвакуации. Госпиталь спешно вывезли на восток, а вскоре со стороны Полоцка стала отчётливо слышна артиллерийская канонада и ружейная стрельба. На шоссе появились беженцы. Шли они в одиночку и группами. Ефросиния Ивановна забеспокоилась и стала срочно собирать Зину и Галю в дорогу.

— Мне уж старой не убежать. Видно, здесь и помирать придётся. А ты, Зина, уходи с Галей. Ты взрослая… С людьми не пропадёшь. Дорогу домой отыщешь. Я бы вас не пустила, но тут вам оставаться нельзя. Ну как немцы нагрянут. Беда приключиться может. Что я матери тогда скажу. Идите с беженцами, да побыстрей. Прямо на шоссе, на Витебск. Там, может, на поезд пристроитесь.

Она завязала им в платок еды на несколько дней, потеплей одела и сама проводила до шоссе. И пока девочки не скрылись из виду, Ефросиния Ивановна всё стояла у края дороги, вытирая платком слёзы. Они шли на восток по асфальтированному шоссе, к Витебску, с небольшой группой беженцев, среди которых были одни лишь женщины, старики да дети. Шли быстро, подгоняемые канонадой, которая, не умолкая, гремела за спиной. К'полудню гул и ухающие удары, похожие на непрерывные грозовые раскаты, стали раздаваться в стороне слева, а потом справа.

Галя быстро выбилась из сил и вся исхныкалась, Растрепавшиеся волосы прилипли ко лбу и щекам. Она брела, спотыкаясь, запрокинув к небу голову, закрыв глаза, и монотонно повторяла одно только слово:

— Пить… Пить…

— Потерпи, — успокаивала её Зина. — Нет воды. Ты же всю выпила.

— Пить хочу.

— Вот дойдём до колодца, тогда попьём. И ноги ополоснём. Усталость как рукой снимет. Терпи.

Время от времени, когда Гале было совсем невмоготу идти, она останавливалась, тянула сестру за руку и мотала головой: «Не могу».

Зина, сама обессиленная и измотанная долгой дорогой, брала сестрёнку на руки и несла. Она видела, как торопятся люди, обгоняют их, и потому шла без передышки километр-другой, давая младшей немного отдохнуть, а затем брала за руку и вела за собой дальше. Иногда, чтобы как-нибудь отвлечь себя, она вспоминала Ленинград, свой дом, мать, отца. Старалась представить, как они там сейчас живут, что делают. И в такие минуты думала, как они появятся в доме, как громко постучат в дверь, как удивится и обрадуется им мать…

На ночлег они устроились в стоге сена, сиротливо и одиноко стоящем на краю скошенного луга. Стрельба с вечера стихла. Зина раскопала в сене просторную нишу, и они улеглись в неё, плотно прижавшись друг к другу. Разговаривали мало и шёпотом и, пока не заснули, долго видели из своего укрытия, как за тёмной пилообразной кромкой леса полыхает багровое зарево

пожара,

Проснулись они от раскатистых взрывов, доносившихся из-за леса. Выло рано, солнце ещё не поднялось. Девочки выпрыгнули из стога, прихватили узелок и побежали в противоположную выстрелам сторону. Весь день они убегали от выстрелов, которые со всех сторон надвигались на них. Они мыкались гго полям, прятались по кустам и оврагам. Ветер доносил запах гари, а по небу, клубясь, тесня и давя друг друга, ползли дымные облака.

Галя больше не хныкала, а шагала, крепко ухватив Зинину руку. Она даже не просила пить.

Следующую ночь они провели в густом лесу, на еловых ветках. Ночь прошла спокойно, но спали они плохо — зябли.

Галя проснулась первой — сухая колючая ветка упала ей на лицо. Она открыла глаза и посмотрела вверх: на дереве прыгала белка, а чуть выше, на другом дереве, тонко посвистывала синегрудая птичка. Галя толкнула сестру локтем.

— Посмотри скорей, птица поёт.

— Где? — протирая глаза, спросила Зина.

— Вон там, наверху.

— И правда, — услышав птичье пение, сказала Зина.

— Тихо как. Пушек совсем не слышно.

Быстро перекусив и попив из бутылки воды, они отправились дальше. Часа через три девочки неожиданно вышли к шоссе. Оно было пустынным. Пошли вправо, наугад. Они прошли с полкилометра и вдруг увидели солдата с. винтовкой, в выцветшей добела гимнастёрке. Он выскочил будто из-под земли. Низко пригибаясь, солдат подбежал к ним по кювету и крикнул:

— Ложись!

Зина и Галя сбежали с дороги и плюхнулись около солдата.

— Вы что здесь разгуливаете? — выпалил он.

— В Витебск идём, — ответила Зина.

— Какой Витебск!.. Немцы дорогу перерезали. Вы кто такие?

— Беженцы.

— Откуда

— Из Оболи.

— Вертайте назад. Пока вас немцы тут не прихлопнули.

— А до Витебска далеко?

— Четырнадцать вёрст. Да зачем он вам сдался? Не проберётесь вы туда. Шлёпайте назад. Чтобы духу вашего здесь не было, Ну!

Они хотели подняться с земли, но солдат снова прикрикнул на них:

— Выбирайтесь ползком. Не вставайте. Всё время ползите по эту сторону дорога, Кюветом. Слышите? у вас воды случаем не

найдётся?

Зина вытащила из узелка бутылку и протянула солдату. Лёжа на боку, он пил тёплую воду, смакуя каждый глоток.

— Пейте всё, — сказала Зина. — Мы себе найдём ещё.

— Пейте, дяденька, — повторила Галя.

Возвращая бутылку, солдат сказал:

— Спасибо, дочки. Три дня без глотка. Уходите скорей, да берегите себя.

Обдирая колени, они поползли по кювету назад.

На седьмой день, к вечеру, голодные, уставшие и почерневшие от пыли, они вернулись в деревню Зуи, к бабушке. Наслушавшись про их мытарства, она сказала:

— И правильно, милые, сделали. А то я тут извелась вся, о вас думая.

* * *

— Враньё, — повторила девочка. — В нашей деревне никогда таких не было. Если она Козлова, то пусть ответит, кто её соседи, кто живёт на краю деревни, назовёт имена школьных учителей и фамилию почтальона и кто он — мужчина или женщина.

— Здесь вопросы задаю я! — повысив голос, сорвался немец, чувствуя, что эта девочка выбила у него из рук фальшивый козырь.

— Она ничем не докажет, что родилась в Барсуках.

— Я докажу, — сказал немец.

— Нет! — убеждённо и твёрдо возразила девочка.

Она хорошо знала про Барсуки, она видела собственными глазами, как немцы вместе с полицаями спалили дотла всю деревню и сожгли в трёх домах всех её жителей: женщин, стариков и детей. Уцелело только двое — Наталья Герасимовна Щербакова и Катя Агрыска, девочка десяти лет.

Зина знала, что эта «подсадная утка» ничем не докажет свою принадлежность к деревне Барсуки. Ей хотелось крикнуть немцу и этой фальшивой девке, что всех жителей той деревни каратели сожгли заживо, но она сдавила крик и с большим трудом, как можно спокойнее сказала:

— Отвезите нас с этой… в Барсуки и пусть местные жители подтвердят, кто из нас на самом деле Козлова.

Немец напрягся и прищуренными мутными, как высохшие горошины, глазами вцепился в лицо девочки, точно старался проникнуть в мозг — понять по малейшему волнению лица, знает ли она на самом деле, что ни самой деревни, ни жителей её давно

не существует.

— Мы так и сделаем, — закурив сигарету и возвращая аусвайс девице в берете, сказал немец. — Вы свободны.

— Ауф видерзейн, — сказала девица, поклонилась и поспешно вышла.

Немец неторопливо выпустил струйку дыма, наслаждаясь и явно стараясь показать, что он раскрыл её козыри и доказал, что она не Мария Козлова.

— Теперь ты понимаешь, что тебе бесполезно врать, когда убедилась, что существует настоящая Мария Козлова из деревни Барсуки, по профессии крестьянка.

— Она ваша немецкая паскуда, а не крестьянка. Таких в деревнях никогда не было, — выпалила девочка с косичками.

— Ты хочешь сказать, что ты всегда жила в деревне.

— Да.

— Ложь! Это ты никогда не проживала в деревне. Откуда ты приехала?

— Ниоткуда.

— Ты приехала из Питера?

— Нет.

— Что нет?

— В Советской стране кет такого города. Есть город Ленина. И я была бы счастлива хоть один раз побывать в нём. Жаль, что не довелось…

— Мы будем в этом городе. Наши войска уже дерутся на подступах к нему. Город окружён. Люди мрут в нём от голода, как мухи. Мы уничтожим этот город до основания.

— Кто — мы?

— Армия фюрера.

— Никогда не бывать этому. Он будет стоять, как Россия, неколебимо!

— Интересно… Сейчас ты заговорила не как деревенская девочка, а как солдат, который имеет свои убеждения.

— Я хотела бы быть солдатом.

— Зачем?

— Чтобы убивать фашистов, которые сжигают ни в чём неповинных людей целыми деревнями. Я это видела своими глазами.

«— За что ты застрелила немецких офицеров?

— Они меня пытали.

— Кто тебя научил стрелять из оружия?

— Никто.

— Врёшь!.. Ты подпольщица. Ты шла на связь в Оболь по заданию партизан. Ты разведчица! К кому ты шла?

— Ни к кому.

— Кто тебя послал?

— Никто.

— Откуда ты шла?

— Из сожжённой деревни. Мне негде было переночевать, Я думала устроиться у кого-нибудь на жительство.

— Ложь! Ты не умеешь врать. Ты шла на связь с оставшимися на свободе. Назови их фамилии. К кому ты шла? Говори.

— Я ничего не знаю.

— Ты была членом этой подпольной организации?

— Какой?

Не прикидывайся. Той, которая действовала в Обольском гарнизоне. Кто создал организацию? Кто руководит ею?

— Я ничего не знаю об этом.

7. СЕРЬЁЗНЫЙ РАЗГОВОР

Выходить из дома вечером было опасно: расклеенный по посёлку приказ под страхом смерти запрещал жителям появляться на улице с наступлением темноты.

Фруза Зенькова, недавно вернувшаяся из Витебска, где она училась до войны в техникуме, знала о немецком запрещении и всё равно, лишь только стемнело, быстро надела тёмное лёгкое полупальто, вышла из дома и, миновав несколько дворов, свернула за околицу. Она на миг остановилась, огляделась и, не заметив ничего подозрительного, круто повернула от деревни, побежала в сторону леса, который темнел невдалеке.

На подходе к условленному месту, где должна была встретиться с человеком, который пригласил её для серьёзного разговора, Фруза сбавила шаг. Зорко всматриваясь в темень леса, она прислушалась — средь неумолчного шороха листвы, за спиной её раздался едва уловимый треск хрустнувшей ветки. Фруза обернулась — от тёмных стволов отделились два человека и направились к ней.

— Это ты, Фруза? — спросил тихо мужчина.

— Я, Борис Кириллович. Здравствуйте.

С учителем вместе подошла девушка. Она протянула руку Фрузе:

— Здравствуй, Зенькова.

По едва приметной тропинке они осторожно направились в глубь леса. Шли молча, стараясь ни на шаг не отстать друг от друга и внимательно прислушиваясь к лесному шуму. Лес, густой и прохладный, окутанный туманом, мирно спал.

Фруза отлично знала эту тропинку, помнила каждый поворот на ней и теперь шла уверенно, точно на прогулке. Они прошли ельник, неширокую вырубку, потом опять густой смешанный лес, довольно быстро отыскали глубокий овраг, поросший высокой травой, и спустились в него. Прислушались — кругом ни шороха. Присели на старый замшелый ствол дерева, давно поваленного бурей.

— У нас с тобой, Фруза, серьёзный разговор, — начал Борис Кириллович, немного помолчав.

— Я слушаю, — ответила Фруза.

— Время такое пришло, что сидеть сложа руки нельзя. В Оболи и окрестных деревнях есть ребята, которым можно и необходимо заняться делом. Нашей армии сейчас трудно. Она ведёт бои очень тяжёлые и кровопролитные. Видела, как прут немцы, день и ночь. Войска, техника, обозы. Нам нельзя сидеть

сложа руки. Надо помогать армии.

— Как? Немцев бить? — спросила Фруза.

— Не торопись. Нет, не это. Сейчас надо подумать о другом. То, что по силам… Вот секретарь райкома комсомола Наталья Герман тебе объяснит.

Девушка, которая сидела рядом с ней, подвинулась чуть ближе, и Фруза уловила её горячее дыхание. Она говорила спокойно и неторопливо.

— Надо создать отряд. Собери комсомольцев и поговори с ними по душам. Пойми их настроение. Узнай, о чём они думают. Только осторожно. Это тебе, Фруза, серьёзное и очень важное поручение от подпольного райкома комсомола. Нам необходимо создать отряд из местной молодёжи внутри немецкого гарнизона. Делайте всё продуманно, не спеша. Семь раз проверяйте каждый свой шаг. Для начала создайте небольшую инициативную группу. Но в каждом человеке ты должна быть уверена, как в самой себе.

— Трудно, — взволнованно ответила Фруза. — Смогу ли я?

— Да. Дело непривычное. Но ты должна суметь это сделать, — сказал Маркиямов. — И райком партии и райком комсомола на тебя надеются. Это я предложил твою кандидатуру. Уверен, что не подведёшь. Ты имеешь право отказаться. Но я убеждён, что ты не сможешь иначе. Ты всё равно будешь с ребятами. А им сейчас нужен вожак. Ну как, согласна?

Помолчав, подумав немного, Фруза уверенно и твёрдо ответила:

— Да. Согласна.

— Это очень хорошо, что ты без колебаний принимаешь такое решение, — сказала Наталья Герман, положив свою руку на её ладонь и крепко пожав. — Ещё вот что хочу тебе сказать… Всегда помни, что ты не одна. Мы постоянно будем с тобой рядом. Будем думать о вас и помогать. Борис Кириллович уходит с партизанским отрядом. Все контакты будете поддерживать с ним через связного и только в условленном месте.

— Что мы должны будем делать? — спросила Фруза.

— О делах ваших мы подумаем. Пока не спешите. Сперва сплотитесь в ядро, — ответил Маркиямов. — Для начала поговори с Марией Дементьевой и Марией Лузгиной. Они девчата боевые. Пусть позовут в вашу группу Тоню Лузгину, Валю Шашкову, Владимира и Женю Езовитовых. Вот когда создадите инициативную группу, да оформитесь в боевую организацию, только тогда будете действовать, выполняя задания подпольного райкома партии и комсомола. А до этого ничего самостоятельно не предпринимайте. Ещё раз повторяю, для начала соберитесь все вместе. Будто на вечеринку. Полузгать семечки. И побеседуйте.

Ясно?

— Ясно.

— Ну вот и добре. Да не вешайте носа. Побольше уверенности в себе. Хоть немца и много, а всё-таки мы здесь хозяева. Земля эта наша.

Потом Маркиямов условился с Фрузой о дне и месте следующей встречи, назначили пароль для связного. Договорившись обо всём, они выбрались из оврага и так же осторожно и тихо вышли к краю леса. Молча попрощались и разошлись в разные стороны.

Фруза вернулась домой. Неслышно, чтобы не разбудить спящих отца и мать, прошла в свою комнату, быстро разделась и легла. Взволнованная встречей и разговором, она долго не могла уснуть, думала и старалась представить, как же будет исполнено то серьёзное поручение, которое она только что получила.

* * *

С каждым новым допросом немец всё больше и больше терял самообладание. Он уже не спрашивал спокойно, как раньше, а повышал голос до крика.

— Кто были членами вашей подпольной организации?

— Я ничего не знаю об этом.

— Сколько человек числилось в организации?

_ Не знаю.

— Кто направлял вашу деятельность?

_Не знаю.

— Откуда организация получала взрывчатку?

— Я об этом ничего не знаю п никогда не слышала ни про какую взрывчатку.

— Кто были у вас связными?

— Не знаю.

— Что ты тогда знаешь?

— Ничего.

8. ФЕДЯ СЛЫШАНКОВ

Дорога за окном гудела от непрерывного рёва моторов и лязга гусениц день и ночь. Танки, машины, фуры нескончаемым потоком тянулись в сторону фронта. В открытых низких кузовах грузовых машин ехали немцы, большей частью молодые, здоровые и самоуверенные, с автоматами и карабинами, в касках. Вели они себя будто на прогулке: горланили песни, громко смеялись, наигрывали на губных гармошках, чужими глазами глядели на русскую землю, разнося вокруг чужой непривычный дух. Даже машины их, танки и лошади пахли по-чужому.

С появлением гитлеровцев в Оболи Зина не выходила из дома и ни на минуту не отпускала от себя сестрёнку Галю. Даже Ефросиния Ивановна редко переступала порог и постоянно держала дверь на запоре. Целыми днями они сидели дома, словно отрезанные от всего мира, не зная, чем занять себя и отвлечь от неотвязчивых гнетущих мыслей. Ефросиния Ивановна хлопотала по хозяйству или лежала с Галей на печке, а Зина просто не находила себе места: пробовала читать, но всякий раз оставляла книгу, видя, что никак не может сосредоточиться и пенять смысл прочитанного. Она пыталась заниматься: учебники захватил с собой из дома, но ни стихи, ни задачи по математике и геометрии не шли на ум. Всякий раз, садясь за стол, вместо задач рисовала в тетради сбитые немецкие самолёты, искорёженные танки с крестами на броне, взрывы снарядов и убитых фашистов. Под рисунками она жирным и злым почерком писала фразу, услышанную 22 июня по радио: «Смерть немецким оккупантам!». Изредка она подходила к окну, смотрела на улицу, в надежде увидеть какое-нибудь изменение на дороге, но там по-прежнему гудела, дрожала земля. Движение немецких войск не прекращалось.

На душе у Зины было тяжело, порой ей казалось, что жизнь остановилась, как испорченные ходики. Страха перед немцами она не чувствовала, её просто мучила тоска по дому, никчёмность существования и та безысходность и пустота жизни, из которой она не могла найти выход.

Первого немца вблизи она увидела днём. Зина вышла в сарай накормить кур. Когда прикрывала дверь, взглянула в сторону улицы — немец рослый, лет двадцати, с румяным, почти детским лицом и светло-голубыми, на вид добрыми глазами, спокойно и по-хозяйски, точно входил в свой дом, распахнул калитку бабушкиного палисадника, прошёл к крыльцу, цокая коваными ботинками о битый кирпич узкой дорожки. Расстёгнутый на

груди серо-стальной китель открывал тёмное от пыли и мокрое от пота грубое солдатское бельё. Стальная каска с нарисованным сбоку узкокрылым орлом, несущим чёрную свастику в когтях, висела рядом со штыком и флягой в суконном чехле на широком поясном ремне. Волосы у него были жёсткие и коротко подстриженные.

Увидев Зину, немец остановился около крыльца, широко улыбнулся и, зачем-то застегнув только одну пуговицу кителя, галантно щёлкнув каблуками, громко выпалил:

— Гутен таг, медхен.

— Чего? — застыв на месте, спросила Зина.

— Битте вассар. Вода,

И хотя Зина догадалась, что спросил немец, она промолчала, будто не поняла,

— Вассар! Вассар! — повторил немец, хмурясь,

Зина пожала плечами.

Тогда он резко повернулся, раздражённо толкнул дверь и, твёрдо ступая по скрипучим половицам, вошёл в избу.

Ефросиния Ивановна заспешила, слезла с печки.

— Матка, вассар! — гаркнул немец, оглядывая избу.

— Чего ему? — спросила Ефросиния Ивановна у Зины.

— Не знаю. Бубнит: вассар, вассар… А что, не пойму.

Немец прошёлся по избе, заглянул на печь. Галя сжалась в комочек и отодвинулась ещё дальше в угол. Зина и бабушка бросились к печке, встали перед немцем, заслоняя Галю.

— Чего тебе от неё надо? — выпалила бабушка. — Не трогай ребёнка.

Немец выставил указательный палец с прокуренным жёлтым ногтем, ткнул им то в Зину, то в бабушку, как пистолетом, точно стрелял, щёлкнул языком: «Пуф! Пуф!» и засмеялся. Потом прошёлся по избе, высматривая что-то. Отодвинув заслонку, он заглянул под круглый и закоптелый очелок, в пустую печь, снял с полки кринку и, убедившись, что она пуста, поставил на место. Отдёрнув занавеску в прихожей, увидел на скамейке под окном ведро, схватил его и, не говоря ни слова, вышел, хлопнув дверью. Зина кинулась к окну.

На середине улицы возле колодца, запряжённая парой лошадей, стояла длинная фура болотного цвета, прикрытая брезентом. Пожилой немец, попыхивая трубкой, неторопливо рассупонивал лошадь.

Молодой немец, который только что взял ведро у бабушки, подошёл к лошадям, что-то сказал пожилому, и они оба рассмеялись.

Набрав воды из колодца, немцы сняли кители, скинули

нижние рубахи и стали их трясти.

— Что это они делают? — спросила бабушку Зина.

— Должно быть, вшей, поганцы, трясут. Ну и антихристы. Прямо у колодца. Чтобы их разорвало.

Оглядев внимательно рубахи и повесив их на изгородь, немцы принялись мыться с мылом. Они поочерёдно зачерпывали из ведра пригоршнями воду, плескали на плечи, грудь, спину и, довольные, смеялись. Потом, вылив друг на друга по ведру и утершись полотенцем, снова набрали воды и, не наливая в колоду для скотины, а прямо из ведра, стали поить лошадей. Причесавшись и надев кители, солдаты сели в фуру и тронулись дальше.

Охая и ругаясь, Ефросиния Ивановна сходила за ведром, после долго тёрла его золой и песком и ошпаривала кипятком.

Зина не могла успокоиться и на другой день после появления немца в доме бабушки. Она ходила от одного окна к другому и настолько была поглощена своими мыслями, что не узнала паренька, который промелькнул за окном.

Скрипнула дверь, она обернулась и увидела Федю Слышанкова, невысокого белокурого паренька, в рубашке навыпуск и тёмных хлопчатобумажных брюках, закатанных до колен. Федя приходился Зине двоюродным братом.

Он держал в руках кринку с молоком и, стоя у порога, смущённо переминался с ноги на ногу.

— Кто это пришёл? — спросила бабушка с печки.

— Федя, — ответила Зина и, обращаясь к брату, сказала: — Чего встал в дверях. Проходи.

— Можно и постоять, а то пол запачкаю.

— Ладно уж не жалей. Вымоем.

Он поставил на пол в прихожей кринку с молоком, прошлёпал босыми ногами по чисто вымытым половицам, присел на краешек скамьи.

— Ты чего, Федь? — спросила Ефросиния Ивановна.

— Проведать забежал. Как тут живёте-можете.

— По-всякому, — ответила Зина. — А вы как?

— У нас, в Оболи, немчуры полно. В школе комендатуру устроили. Шкафы с книжками повыкидывали. Тетрадки по улицам летают. Часовых понаставили кругом. Носа не высунешь. И везде приказы понаклеили, чтобы оружие, кто имеет, сдавали. А в приказах «Ахтунг!» написано везде. Это по-ихнему— внимание, значит. И в конце приказов везде смертью грозят.

— Ну, а ещё какие новости?

— Ещё бургомистра назначили.

— Кого же это? — спросила Ефросиния Ивановна.

— Езовитова Ивана Гаврилыча. Чудно. Гаврилыч — и вдруг бургомистр. На днях иду я по улице, а он мне — навстречу. Темней тучи. Согнулся весь.

Глаза в землю, никого не видит вокруг. Ну я, знамо дело, картуз с башки долой и говорю ему: «Гутен морген, гер бургомистр». А он и ухом не повёл. Прошёл мимо, будто и не слышал. А у самого, видать, кошки скребут на душе. Мне его даже жалко стало.

— Смотри, как бы тебе его сыновья, Женька с Володькой, бока нэ наломали.

— Не наломают. Они не такие.

— Не мели пустое, — оборвала бабушка Федю.

— Чего ж молоть. Аль я не правду говорю? Немцы вон и полицию уж создают. Начальника поставили.

— Кого? — Ефросиния Ивановна приподнялась с печки.

— Экерта. Вот вам и «не мели». В немецкой фуражечке ходить стал, с пистолетиком на боку и с повязочкой белой на рукаве. На повязочке две буковки «ОД», что означает полиция по-ихнему. Во как.

— Переметнулся, — охнула Ефросиния Ивановна.

— А ещё трактористом был, — сказал Федя.

— Кто ж он такой? — поинтересовалась Зина.

— Чёрт его знает. По отцу — немец, а по матери — латыш, говорят. Русский хлеб жрал, по-русски губой шлёпал, а фрицы появились, мозги немецкой фуражечкой прикрыл.

Федя, задумчиво глядя в одну точку, будто про себя подумав, тихо сказал:

— Да его, гада, убить мало.

— А может, они его силком заставили? — спросила Зина.

— Ещё чего не скажи. Немцы — не дураки. Они на такую должность силком не тянут. Если бы ты видела, как он перед ними выпендривается. Как пёс, на задних лапах бегает. Самолично колхозный амбар с зерном для немцев отпер.

— Помолчи, Федя, — дрожащим голосом вымолвила Зина. — Помолчи.

— Ну, а ещё что сорока выведала? — спросила бабушка.

— Немцы кирпичный и лесопильный заводы в ход пускают. Разворачиваются вовсю. Сказывают, людей на работы гонять будут. Комендатуру устроили. А ещё молодёжь в Германию из соседних деревень угоняют.

Федя встал, подошёл к чёрному круглому репродуктору, висящему на стене, и покрутил настройку.

— У вас тоже не говорит, — сокрушённо вздохнул он. — Эх,

хоть бы словечко шепнул. Как там наша Красная Армия?.. Москва как?.. Немцы брешут, будто Смоленск и Вязьму взяли. Только неправда это. Враньё. Сталин по радио, что сказал? «Не так страшен чёрт, как его малюют». И ещё: «Враг будет разбит, победа будет за нами!»

— Правда? — вдруг вздрогнув, переспросила Зина.

— Конечно. Раз Сталин сказал, значит, так и будет. Он так и заявил: «Будет и на нашей улице праздник».

— Вот это здорово! — воскликнула Зина. — Ведь это он очень верно сказал. Обязательно должно так быть.

— Конечно, — подтвердил Федя. — Он ещё наказывал немцам сопротивление везде оказывать. Чтобы земля у них горела под ногами. И приказывал не отдавать им нашего колхозного добра. Чтоб маковой росинки им не досталось.

— Бабушка, ты слышишь? — прошептала Зина.

— Слышу, внучка. Верно сказывал. Не будет по-немчуриному. Чует моё сердце, не будет. Не было ещё такого, чтобы на нашей земле хозяйничали другие.

— Эх, газетку бы сейчас почитать, «Правду» или хотя бы кашу районную «Витебский рабочий». Уж там бы точно пропечатали, как там, на фронте. Я вот до войны дурак был, не любил газеты читать. Скучно считал. А сейчас, кажется, попадись мне в руки газета, наизусть, наверное, выучил бы всю.

— Уж так бы и выучил? — улыбнулась Зина.

— А что? И выучил бы. Как стих.

— Зачем?

— Другим бы рассказывал.

— Верно. Только рассказывать самому опасно. По-моему об этом лучше в листке написать и повесить на видном месте, чтобы прочитали люди и веру не потеряли в нашу победу. И чтоб сопротивление им оказывали.

Маленькая Галя, игравшая на печи с куклой, отложила её в сторону, свесила ножки, сказала:

— Федь, а у нас вчера немец был.

— Зачем он приходил?

— За водой, — ответила Зина. — Схватил ведро — и к колодцу… Коней поить. Галю чуть до смерти не напугал.

— А ещё они у колодца рубахи свои вытряхали. Вон бабушка сама видела. Обовшивели.

— Расползлись по земле… Давить их надо, — зло процедил Федя.

— Ты языком не чеши, голова садовая, — одёрнула Федю Ефросиния Ивановна. — Говори, да знай меру. Молчи больше — за умного сойдёшь.

— Верно, — согласился Федя и вздохнул. — К партизанам бы сейчас податься. Вот было бы здорово.

— А есть они? — Зина подошла к Феде.

— А как же. Должны быть. Сам слыхал. Народ врать не станет.

— Ты сам не ври, — прикрикнула на Федю Ефросиния Ивановна.

— Да я что, — попытался оправдаться Федя. — Я просто так. К слову сказал. А может, и вправду их нет. Откуда им взяться у нас, партизанам?

— То-то же, — Ефросиния Ивановна недовольно сверкнула на Федю глазами. — Галя, вон, несмышлёная, а умней вас. Учитесь у неё помалкивать.

— Мы с Зиной судачим по-родственному. А если посторонний кто, так у меня никто и слова не вытянет, — сказал Федя.

— Дома-то у вас как? — стараясь перевести разговор на другую тему, спросила Ефросиния Ивановна.

— Как и у всех. Тоска. Раньше как было? Свободно было и хорошо. Сами себе хозяева. Жизнь была. А сейчас у людей вон руки опускаются. На немцев никто работать не хочет. А молодёжи теперь горше всего. Ни в кино сходить, ни на вечеринку собраться.

— Что, совсем не собираются?

— Сходятся иногда. Да что толку. Песню спеть и ту нельзя. Опасно. Песни-то у нас ребята какие поют? Советские. Про Щорса или про Будённого. Немчуре эти песни как кость в горле. А по-немецки наши ребята никогда не запоют. Точно. Как пить дать! Вот и получается не вечеринка, а тоска одна. Соберутся, полузгают семечки — и, крадучись, по домам. Горько у ребят на душе. Немец будто танком по сердцу проехал.

— Верно, — отозвалась Зина. — У меня, когда возвращались в Оболь из отступления, точно такое чувство появилось. Увидела, как изрезана наша земля немецкими колёсами да гусеницами, сердце так больно сжалось, будто его кто клещами стиснул. И такая тоска навалилась…

— Эх! Сейчас бы в кино сходить, — глубоко вздохнув, сказал Федя и, закрыв глаза, добавил: —До чего же хочется наше кино посмотреть — «Чапаева» или «Волгу-Волгу».

— А я согласна на любой фильм, — сказала Зина. — Лишь бы в нём по-русски разговаривали. И наши песни, советские, пели.

— Ия хочу, — раздался с печки Галин голос.

— Придёт время — посмотришь, — Ефросиния Ивановна погладила Галю по волосам. — И в кино сбегаешь, а может, в театр.

— А ты с нами пойдёшь? — спросила Галя бабушку.

— Пойду, маленькая. Если жива буду. Возьмём билеты, сядем на первый ряд и весь вечер будем кино смотреть.

— Растравили вы меня своим кино, — сказал Федя. — От таких разговоров у меня сердце разрывается. Я лучше пойду.

— Сам завёл разговор, чудак-человек, — засмеялась Зина. — А теперь хныкать, как девчонка.

— Ещё чего не скажи, — Федя нахмурился, встал и пошёл к двери. — Пока.

— Будь здоров, — кинула ему вдогонку Зина.

Когда Федя ушёл, Зина сказала бабушке:

— Молока принёс, а у самих, наверное, тоже есть нечего. Я, бабуль, так думаю — на работу мне надо устроиться в столовую. Все, может, полегче будет. Да и в Германию не угонят.

Ефросиния Ивановна долго не могла ничего ответить Зине: не хотелось ей, чтобы внучка шла к немцам работать. Только через несколько дней, тяжело вздохнув, вымолвила:

— Поступай, как знаешь. Может, и вправду убережётесь…

* * *

По однотипным ответам девочки: «Нет», «Не знаю», «Ничего не слышала» немец всё больше убеждался, что она много знает, что она была членом подпольной организации и что, отвечая отрицательно, она просто уходит от вопросов, прикрывается от них стереотипными фразами. Ему было ясно, что она не хочет отвечать и опасается, как бы лишней, даже незначительной фразой не навести его на какую-нибудь мысль, опасается что-либо выдать. Он задавал вопросы спешно, не давая времени подумать над ответом, пытался сбить её с толку, поймать в ловушку. Однако это ему не удавалось: девочка упрямо отвечала ничего незначащими фразами.

— Значит, ты не была членом этой подпольной организации?

— Я ничего об этом не слышала.

— Ты бывала в лесу?

— Кто поставляет оружие партизанам?

— Не знаю.

— Где они берут патроны?

— Не знаю.

— Откуда у них пулемёт?

— Я ничего не знаю.

9. МАРИЯ ЛУЗГИНА

К вечеру он вышел на опушку леса, залёг и стал наблюдать за крайними домами деревни, которая казалась покинутой жителями. Его мучили жажда и голод: последние двое суток он почти ничего не ел. Войти, однако, сразу в первый же дом он опасался и терпеливо ждал и надеялся на случайную встречу с кем-либо из местных жителей. Время шло. Темнело. Медно-красным чеканным щитом поднялась большая круглая луна. В тёмно-синем прохладном небе замерцали звёзды. Возле домов — ни души. Вдруг до его слуха донёсся скрип открывшейся двери. Из низкого, покосившегося и почти вросшего в землю домика вышел кто-то.

Он дослал в ствол карабина патрон, поднялся с земли и пошёл к дому. Остановился у плетня, заглянул во двор. От раскрытого сарая к дому мелькнула тень. Он присел и сквозь плетень увидел девушку в сером коротком платьице, с ведром в руке. Боясь, что она зайдёт в избу, он тихо окликнул её:

— Маша.

Девушка ойкнула и застыла на месте. Прислушалась, взглянула в ту сторону, откуда её позвали, — у плетня никого не было.

— Кто там? — испуганно спросила девушка.

Он шёпотом позвал её.

— Поди сюда.

Она оставила на крыльце ведро и робко приблизилась к плетню.

— Тебе чего? — шёпотом спросила она.

— Немцы в селе есть?

— Уходи! Есть.

— Попить бы мне…

Она размышляла недолго. Открыла калитку.

— Иди в дом. Быстрей только.

Она вбежала на крыльцо, схватила ведро и раскрыла дверь. Он вошёл за ней следом, остановился на пороге и обвёл взглядом простое убранство избы: у окна стоял самодельный стол, за ним — две скамьи и табуретка, справа — низкий комод, покрытый вязаной салфеткой, в левом углу — железная кровать с горкой цветастых подушек, за которыми на стене висел рисованый коврик.

Девушка зачерпнула воды ковшом и подала солдату. Пил жадно, большими глотками, слегка прикрыв глаза. Лицо его, худое и скуластое, заросшее рыжеватой щетиной, казалось

припорошенным серым пеплом. Выгоревшая добела и просоленная потом гимнастёрка на спине приклеилась кровью к телу.

Пока солдат пил, девушка искоса осторожно разглядывала его неприветливым и отчуждённым взглядом.

Возвращая ковш, он испытующе посмотрел ей в глаза. Между ними как бы возник безмолвный разговор, и они по малейшему выражению глаз, лица, рук старались понять друг друга и ответить на важный каждому из них вопрос: «Кто ты? Свой, или?..»

Она первая прервала молчание.

— Вы ранены?

Он не ответил, а только кивнул головой.

— Больно?

Он хотел было промолчать, но, уловив в голосе её неподдельное участие, ответил:

— Тревожит.

— Вы присядьте. Я перевяжу вас сейчас.

Она заперла дверь, зашторила поплотней окна, взяла ухват, вынула из печки чугун с тёплой водой и, достав из комода чистую простынь, разрезала её ножницами на широкие ленты, скатала, как бинты. Он поставил карабин к окну, сел на лавку, попытался снять гимнастёрку, но застонал, бледный лоб покрылся испариной. Девушка окунула лоскут в чугун с водой, осторожно отмочила присохшую кровь на спине и плече. Легонько стянула с него гимнастёрку, нательную рубашку. Промыв рану, она старательно и туго перебинтовала ему грудь крест-накрест. Сделала это ловко, уверенно. Она почти закончила бинтовать, как вдруг солдат задышал прерывисто и шумно, с хрипом в груди. Лицо его побледнело, он качнулся и потерял сознание. Она успела подхватить его под мышки, с трудом уложила на широкую лавку. Схватив с койки одну из цветастых подушек, она подсунула ему под голову.

Не теряя времени, девушка отстирала его гимнастёрку и рубашку, повесила сушить к печке.

Вскоре боль, видимо, утихла, и он очнулся, непонимающими глазами окинул чужую избу, незнакомую девушку, склонившуюся над ним. Когда сознание вернулось к нему, он попытался приподняться с лавки и, увидев свою выстиранную гимнастёрку с рубашкой у печки, успокоился.

— Лежите, — сказала девушка, — отдохните чуток.

— Ты в доме одна живёшь?

— Нет, с мамой и сестрой.

— А где же они?

— Немцы на работы угнали. Придут утром.

— Не боишься?

— Чего?

— Что немцы тебя могут из-за меня…

Она не ответила и спросила:

— Вы есть хотите?

Он промолчал. Она поняла, что он голоден и подала ему несколько картофелин, огурец, ломоть хлеба и отошла к печке.

Ел он торопливо и жадно.

— А откуда вы узнали моё имя? — спросила она.

— Как? — он удивлённо взглянул на неё.

— Вы давеча Машей меня назвали. А ведь меня и вправду Машей зовут. Лузгина я, Мария.

— Скажи на милость, — ещё больше удивился он. — Я не знал, как позвать тебя. Вот и окликнул первым именем, пришедшим на ум.

— Угадал, — девушка улыбнулась.

— Ты комсомолка?

— Тебе это зачем?

— Да так, между прочим, спросил, — ответил он и, помолчав, добавил: —Не знаю, как тебе и сказать… Уйду я сейчас своих догонять. А тут дело одно серьёзное есть. Не знаю, как быть?

— И что же это за дело у тебя такое?

Он прикрыл глаза, думая:

— Пулемёт я тут неподалёку от вашей деревни заховал. Хотел довезти до своих. Да, видно, не удастся. Бросать жалко. Вот, думаю, кому понадёжней оставить. Возьми. Может, пригодится.

Девушка слушала с недоверием, но по лицу и по голосу она видела, что солдат говорит правду. Они вышли из избы и через огород направились к лесу.

За опушкой, на луговине, стоял небольшой стожок сена.

— Здесь, — сказал солдат.

Мария разгребла сено, выкатила пулемёт, вытащила три коробки с лентами.

— А теперь быстрей к дому, — шепнул солдат. — Куда спрячем, подумала?

— Есть местечко, в сарае.

Когда они вернулись в избу, Мария сказала:

— Я сперва не поверила. Думала, разыгрываешь или провоцируешь.

— Такую, как ты, не проведёшь.

— Тебя как зовут-то?

— Семён.

— Остался бы до утра. Отдохнёшь хорошенько, а завтра пойдёшь. Куда тебе такому в ночь.

— Нельзя. Сутки пройдут — много воды утечёт.

— Всё равно где-нибудь в поле или в лесу ночевать будешь.

— Это точно.

— Ты вот что… Пока гимнастёрка сохнет, отдохни малость. Вздремни. А я тем временем схожу за коробками.

— А если ваши вернутся? Что скажут?

— Они не придут. Лезь на печку и спи. Я дверь на замок закрою.

— И то правда, в мокрой гимнастёрке неохота топать. Пожалуй, вздремну малость. А то я последние три ночи толком не кемарил. Измотался. Только ты меня сразу разбуди, как вернёшься. Хорошо?

— Ладно, разбужу.

Он взобрался на лежанку, Мария подсунула ему подушку под голову, накрыла лоскутным одеялом, задёрнула шторку и привернула фитиль в лампе. Три раза она ходила за коробками, спрятала их в сарае, завалив сеном. Когда вернулась в избу, солдат крепко спал. Он изредка стонал, тихо, как малый ребёнок, и поскрипывал во сне зубами. Мария пожалела его будить и решила подождать до рассвета.

Она не сомкнула глаз, прислушивалась к тяжёлому прерывистому дыханию раненого солдата. Нагрев утюг, прогладила рубашку и гимнастёрку, старательно заштопала две круглые дырочки — след пуль.

В четыре утра, перед самым рассветом, она разбудила его. Он встал, оделся и попросил воды. Она напоила его кипятком, заваренным мятой, отрезала на дорогу хлеба, завернула горбушку вместе с огурцами в тряпочку, дотронулась до плеча.

— Болит?

— Утихло.

— За пулемёт спасибо.

Она приподнялась на мысочки, обхватила Семёна за шею и, поцеловав в небритую щеку, шепнула:

— Когда будешь немцев гнать, вернись сюда. Слышишь. Вернись. Я хочу тебя видеть живым и здоровым. Вернёшься?

— Попробую.

Он закинул за плечо карабин и направился к двери. Взявшись за скобу, на миг задержался, повернулся и, взглянув в глаза ей, сказал:

— Спасибо тебе за всё, Лузгина Мария.

Она вышла следом, проводила его до леса и долго стояла у одинокой берёзы, пока он не скрылся из вида в предрассветном

белёсом тумане, среди задумчивых и мокрых от росы стволов берёз и елей.

* * *

— Кто направлял деятельность подпольной организации?
— Я не знаю ни о какой организации.
— Кто руководил организацией?
— Не знаю.
— Кто был членом этой организации?
— Не знаю.
— Где собирались подпольщики?
— Я не слышала об этом.
— Сколько было членов в вашей организации?
— Я ничего не знаю.
— Как и когда создавалась организация?
— Не знаю.

10. ВСТРЕЧА С БРАТОМ

Мысль о создании организации, или, как сказал тогда в лесу ночью Маркиямов, инициативного ядра её, долго не давала Фрузе покоя. Она всё время думала об этом, не зная, с чего начать. Она вспоминала самых близких и надёжных своих знакомых и друзей, с которыми училась в школе, но сразу поговорить с ними не решалась опасаясь повредить делу каким-нибудь неосторожным шагом, так как хотела вы-полнить это серьёзное и ответственное поручение, кото рое доверили ей подпольный обком партии и комсомола, как можно лучше.

Время шло, а из всех имён и фамилий, тысячу раз процеженных ею, первыми мелькали имена двух самых верных подружек: Марии Дементьевой и Марин Лузгиной, которым она могла открыться без риска провалить дело, так как очень хорошо знала их и доверяла им как самой себе.

«Надо поговорить с ними», — думала Фруза и всё откладывала. Сомнений в девушках у неё не было: сдерживало волнение, которое последнее время не покидало её. Она собиралась посоветоваться с матерью и отцом, веря, что они поймут её и верно подскажут, как поступить, но даже на это она не могла решиться. Ей хотелось самой проверить свою способность принимать правильные решения. Она мысленно говорила себе: «Спокойнее и осторожнее».

Помог ей брат, Николай. Однажды ночью он пришёл из леса и условным стуком в окно дал о себе знать. Как и в предыдущие ночи, Фруза долго не могла заснуть. Услышав стук и догадавшись, кто это, она быстро встала, надела платье и босиком, чтобы не разбудить спящих отца и мать, неслышно ступая по прохладным половицам, прошла через горницу в сени. У наружной двери остановилась, прислушалась. С улицы повторился всё тот же условный стук. Так мог стучать только Николай— часто два раза и с промежутками — три. Фруза прижалась щекой к двери, негромко спросила:

— Кто там?

— Я, Николай.

Фруза открыла дверь, кинулась брату на шею и крепко стиснула его руками.

— Коля, милый. Как хорошо, что ты пришёл.

— Я ненадолго, — поцеловав сестру в щёку, сказал Николай. — Как дела?

— Спокойно.

В сенях он снял сапоги, прошёл в избу.

Фруза зажгла лампу, плотно зашторила окно и взглянула на брата. Он сидел с закрытыми глазами на табуретке, устало вытянув ноги и запрокинув голову к стене.

— Какой ты взрослый стал, — сказала Фруза. — Зарос весь. Устал?

— Ничего. Пройдёт, — ответил Николай. — Пришлось попетлять лишнее по лесу для безопасности. Вот ноги и гудят. У вас пожевать чего-нибудь не найдётся?

— Сейчас.

Фруза вышла в сени, принесла ломоть хлеба и молока в крынке.

— Где вы сейчас? — спросила Фруза.

— В Шашенском лесу.

— Трудно, поди?

— Патронов мало. А остальное терпимо.

— Спите-то где? Прямо под дождём?

— Зачем? В землянках. Тепло.

— Немцы не трогают?

— Мы их сами шерстим.

— Страшно?

— Комары жрут с болота. Спасу нет. А так всё по-боевому. В Оболи как?

— Немцев полно. На торфозаводе офицерскую школу устроили. Железнодорожников, каких разыскали, на работу выгнали. Обходчика, старика Езовитова, помнишь?

— Василия Гавриловича? Ну как же.

— Убили его. Он к немцам работать не шёл, всё прикидывался больным. Тело его между путями нашли. Семью из дома выкинули. У него ведь двое сыновей в Красной Армии служат, Ефим и Фёдор.

— Донёс кто-то.

— И я так думаю.

— Ну, а младший его, Илья, где?

— К дядьке перебрался жить. К Ивану Гавриловичу. Он у нас бургомистр теперь.

— Знаем. Ты с его сыновьями поговори, Евгением и Владимиром. Они для твоего дела могут пригодиться.

— Да ты что?

— Верно советую. Ребята они — стоящие. Борис Кириллович наказал передать посмелей начинать.

— С девчатами говорила?

— Нет ещё. Ошибиться боюсь. Наметила побеседовать с Марией Дементьевой и Лузгиной.

— Действуй поактивней. Ты по своей земле ходишь. С Ниной

Азолиной войди в контакт.

— Да она в комендатуре служит.

— Знаем. Она по заданию подпольного обкома работает там. Валентину Шашкову можешь привлечь и Федю Слышанкова. Он паренёк горячий, боевой. У него, что попадётся, то не сорвётся. Поговори с ним хорошенько. Он поймёт и будет сдерживать себя.

— Завтра поговорю, — твёрдо сказала Фруза.

— Правильно. Следите за каждым шагам немцев. За каждым составом на железной дороге. Следите, что они перевозят, считайте вагоны. Собирайте патроны, винтовки. Они нам нужнее хлеба.

За тонкой дощатой перегородкой, отделяющей спальню Фрузы от горницы, послышался скрип половиц. Открылась дверь, и в маленькую Фрузину комнату вошла мать. Увидев сына, она кинулась к нему.

— Колюшка, сыночек!

Николай встал и крепко обнял мать.

— Ты только не плачь, мама. Времени нет.

— Не буду, неслух ты мой.

Пришёл и отец. Он поздоровался и, закуривая самосад, сказал:

— Накорми сына, мать.

Николай наотрез отказался от еды.

— Некогда. В другой раз. Ты уж прости, мама. Пора мне.

— Харчей-то возьми, — хмуро проговорил отец, завязывая в мешочек краюху хлеба, лук, соль и бумажный кулёк с самосадом.

— Не надо, батя. У самих, наверное, нет, — попытался отказаться Николай.

— Бери, аника-воин. Мы как-нибудь обойдёмся, — приказал отец.

Фруза принесла из сеней сапоги, Николай обулся, попрощался с родителями и ушёл вместе с сестрой, которая решила проводить его до леса.

С Марией Дементьевой и Марией Лузгиной Фруза встретилась на следующий день после прихода брата. Она зашла сначала к Лузгиной и предложила сходить в деревню Мостищи проведать Дементьеву. Лузгина, весёлая, подвижная и общительная по натуре девушка, сразу согласилась. Их приходу Мария Дементьева очень обрадовалась: они учились в одной школе и давно дружили. Дома у Дементьевой никого не было. Девушки сидели в просторной избе, судачили о пустяках, вспоминали школу, довоенную жизнь и невольно их разговор перешёл на немцев. Фруза не торопилась говорить о самом

главном, ради чего пришла к ним — ждала удобного момента.

Хозяйка дома, белокурая и немного полная девушка, Марна Дементьева, на этот раз была не похожа на себя. С появлением немцев её словно подменили, она стала сдержанной, насторожённой и и молчаливой. Озорные светло-голубые глаза её будто заволоклись ненастьем, залегла в них грусть и тоска.

— Ты очень изменилась, Дементьева, — сказала Фруза, внимательно приглядываясь к подруге. — Как живёшь?

— Какая сейчас жизнь? Бекова, — ответила Мария. — Нас бьют, а нам некого.

— Ты не права, — улыбнулась Лузгина. — Бить как раз есть кого.

— Да разве их голыми руками возьмёшь. Вон Красная Армия и то никак не справится.

— Справится! — убеждённо и твёрдо сказала Фруза. — Обязательно переломит этому фашистскому зверю хребет.

— Когда?

— Придёт время. А чтобы оно поскорее наступило, надо нашим солдатам и партизанам помогать.

— Как?

— На первый раз хотя бы вот как…

И Фруза рассказала девушкам о задании партизан собирать оружие и патроны, вести постоянную разведку о том, что подпольный обком комсомола поручил ей собрать надёжных ребят и создать организацию «Юных мстителей».

Услышав это, подруги сперва не поверили и удивлённо переспросили её:

— Ты это серьёзно?

— Да. С этим я к вам и пришла.

— Девочки, да это ж очень здорово, — оживилась вдруг Мария Лузгина. — Мне даже не верится.

Не менее Лузгиной была взволнована и Мария Дементьева. Она встала, прошлась по избе и, сдерживая волнение, которое переполняло её, прогово рила:

— Как хорошо, что о нас не забыли. Что вспомнили.

— Нет, нам надо было самим догадаться, — возразила Фруза. — Ведь комсомольцы мы. А все ждали чего-то. Собственной инициативы не могли проявить. Своей головой додумать.

— Тебе бы первой надо было и подумать. Ты же у нас комсорг, — сказала Лузгина.

— Да. И мне первой, — согласилась Фруза.

— Немцы расположились как дома, — зло выдавила Лузгина. — Флаг со свастикой вывесили. Школу запоганили. Не

услышим мы больше звоночка на урок,

— А мы им покоя не дадим, — сказала Фруза.

— Втроём-то? — усмехнулась Лузгина.

— Зачем втроём. Соберём ребят понадёжней.

— Верно, — горячо поддержала Дементьева. — Нашим ребятам только скажи. Да они в огонь и в воду. Взять, к примеру, Женю и Володю Езовитовых или Федю Слышанкова — сорвиголова. А Николая Алексеева и Нину Давыдову. На них всегда можно положиться. Да вы их лучше меня знаете.

— Ну, что ж, с этого и начнём, — согласилась Фруза. — Я тоже о них думала. И раз ты, Дементьева, предлагаешь их в организацию, то я поручаю тебе собрать ребят. Будто на вечеринку.

— Скорей бы!

— Что?

— Действовать.

— Не горячись. Будем действовать. А пока об этом никому ни слова…

* * *

— Ты участвовала в диверсиях против германской армии?

— Нет.

Что тебе поручали?

— Ничего, никто мне не поручал.

— Ты была связной?

— Нет, не была.

— Что ты делала в организации?

— Ничего.

— С какого времени ты была в этой организации?

— Я ничего не знаю.

— Какие задания ты выполняла?

— Ни от кого и никаких заданий я не получала.

— Значит, ты действовала по собственной инициативе?

— Нет.

11. ЗИНА

В окно кто-то настойчиво постучал четыре раза. Галя проснулась, высунулась из-под овчинного латаного полушубка, прислушалась. Стук повторился.

— Бабуль, это Зина. Открой скорей! — крикнула Галя и спрыгнула с печки.

А по полу уже зашаркали мягкие подшитые валенки. Бабушка выпустила побольше фитиль в керосиновой лампе, и сразу в маленькой низкой избе стало светлее.

Наклонясь к окну, бабушка окликнула:

— Кто там?

— Я.

— Кто я?

— Не узнала? Да это я, Зина.

Бабушка заспешила к двери. Стукнула щеколда в сенях. В избу вошла Зина. Она сняла короткое пальто, стряхнула дождевые капли.

— Не спишь? — Зина потрепала по щеке Галю.

— Нет… Я спала. А мы ещё и не ужинали, — проговорила Галя. — Ты где была?

Не ответив, Зина прошла к лавке и озябшими руками стала снимать ботинки.

— Какие грязные! — удивилась Галя. — Где ты так?

— На улице, Где же ещё. Там такая грязь и слякоть, не пройти,

Она вымыла ботинки и поставила их в печурку сушить. Галя с интересом наблюдала сверху за сестрой, как та мыла и грела в эмалированном тазу озябшие ноги, и как стирала чулки,

Бабушка невольно ворчала:

— Чего дома не сидится. Охота тебе в такую холодную и грязную погоду по улицам бегать, мёрзнуть. Но потом смирилась и умолкла, видимо, отвела душу. А Зина только посмеивалась, глядя на бабушку большими доверчивыми и ласковыми глазами,

— Пусть я немного помёрзла. Зато на улице побыла, воздухом подышала. А то всё дома, да дома» Немцев я обхожу. И потом не боюсь я их. С какой стати мне их бояться. Они сами, как крысы, боятся всего. На улицу носа не кажут. Правда, встретила я одного, но не немца. Прошмыгнула мимо в проулок. Но только сдаётся мне, что раньше я где-то уже видела его. У него ещё улыбка фальшивая какая-то. Сам улыбается, а зубы стиснуты. И выражение на лице такое, будто грызёт кого-то мыслью.

— Экерт небось, — подсказала Ефросиния Ивановна. — На

него похоже.

— И то верно, Экерт, Вспомнила теперь. Он тогда после митинга, в день объявления войны, слово такое гнусное сказал: «Свершилось». Напугалась я до смерти, как увидела его. Ходит по земле как тень. Сразу не заметишь.

— Ты берегись его, — думая о чём-то, промолвила Ефросиния Ивановна.

— А что я ему плохого сделала? Я его не знаю даже. Да, он, наверное, и не помнит меня.

— И всё-таки постерегись.

Бабушка сняла заслонку, взяла ухват и вынула из печки чугунок. Потом достала хлеб, мягкий, как замазка, чашку с солью и окликнула девочек.

— А ну-ка вечерять, полуночницы.

Сели к столу. Чистили горячие картофелины и не торопясь ели с хлебом. Потом пили кипяток, заваренный мятой. Вместо сахара прикусывали круглые с тёмно-вишнёвыми прожилками ломтики свёклы. Маленькая Галя хотя давно уже пила мятную заварку с вареной свёклой, но всё равно никак не могла привыкнуть к такому налитку и всё время произносила со вздохом:

— Вот бы мама посмотрела на меня теперь, Наверное, так и ахнула. До чего же хочется настоящего чаю, с песком или сахаром. Был бы сахар, кажется, я целый самовар бы выпила. А лучше всего с конфетами «раковая шейка».

— Ишь, чего захотела, сластёна. Пей со свёклой. Вот война кончится, вернёмся мы с тобой в Ленинград. Поведу я тебя в самый лучший кондитерский магазин на Невском проспекте и накуплю много-много самых лучших и сладких конфет. Вот тогда по-настоящему и попьём чаю.

— И бабушке конфет отошлём, — оживилась Галя. — А она будет есть конфеты и вспоминать, как мы со свёклой пили. Правда, бабусь?

— Правда, — сдерживая слёзы, проговорила бабушка.

Когда кончили ужинать, бабушка и Галя легли спать на печке, а Зина, убрав со стола, придвинул а поближе лампу и принялась писать что-то на небольших листочках. Она ещё долго сидела за столом и старательно переписывала с одного листочка на другой, до неузнаваемости изменяя свой почерк.

За окном время от времени слышалась немецкая речь: это переговаривались на дороге возвращавшиеся из караула солдаты. Изредка от полустанка раздавались тревожные и будто простуженные голоса паровозов.

Старые ходики показывали полночь. Гири с подвешенным к

ним молотком опустились совсем низко. Зина прислушалась. Кругом было тихо. Только ветер шумел и шуршал за окном, да монотонно постукивал маятник. Галя и бабушка спали,

Зина написала девять листовок. От напряжения уже устала рука. Написав десятую листовку, она подвинула к себе ближе керосиновую лампу и шёпотом, чтобы слышать могла только сама, стала читать:

«Товарищи! Бешеный пёс Гитлер со своей сворой напал на нашу землю. Как бандиты, они жгут наши деревни, грабят и убивают людей, угоняют молодёжь в Германию. Жрут русский хлеб и ещё измываются над народом, гады. Не покоряйтесь фашистам, товарищи! Помогайте нашей родной Красной Армии! Победа будет за нами! Смерть немецким оккупантам!»

Прочитав листовку, Зина собрала их все вместе и положила в карман платья. Несколько минут сидела с закрытыми глазами, ни о чём не думая, отдыхая, Над головой мерно постукивали ходики. Зина взглянула на циферблат — был первый час ночи.

«Надо идти», — подумала Зина и привернула фитиль в лампе, одевалась в полутьме. Из печурки вынула ещё непросохшие ботинки, обулась у порога. Затем нашарила в углу над бочонком с водой, на полке, банку с клеем, сунула её в карман и тихо вышла из избы. Наружную дверь прикрыла осторожно, чтобы не скрипнула и за калитку вышла, чутко прислушиваясь к звукам и зорко всматриваясь в непроглядную темень осенней ночи. На улице шёл дождь. Ветер порывистый и холодный старался сбить с ног и всё время хлестал полами пальто.

К комендатуре Зина шла под бугристым берегом речки. Крупные дождевые капли шумно хлестали по воде и заглушали шаги. Узкая, почти неприметная в ночи тропка то ускользала из-под ног куда-то в сторону, то терялась в холодных лужах. От малейшего шороха в прибрежных кустах Зина вздрагивала, останавливалась, прислушиваясь к шуршанию веток, внимательно оглядывалась по сторонам и, убедившись, что вокруг никого нет, вновь осторожно шла вперёд. Она крепко прижимала рукой листовки, спрятанные в потайном кармане под бортом полупальто. Впервые в жизни шла Зина на такое опасное и рискованное дело, шла по собственной воле, движимая верой в правоту своего дела, и это придавало ей сил и смелости. Она старалась всё время держать себя в руках и не расслаблять воли. Иногда ей хотелось повернуть назад, к дому, где очень тепло и спокойно. И, когда ноги невольно замедляли шаг, она крепче сжимала в кармане банку с клеем и упорно заставляла себя идти вперёд.

«Лишь бы никого не встретить. Только бы ни на кого не нарваться, — думала Зина, постоянно подбадривая себя. — А я не трусиха, однако. Хоть страшно, а всё равно иду. Раньше бы не смогла, если бы сказали пройти в такую темень, как сейчас. Ни за что».

Довольная собой, она улыбнулась и тихо шепнула сама себе: «Смелей, Зинок. Тебе только пройти по посёлку. Потом вернёшься домой, ляжешь в постель и тебе будет тепло. Закроешь глаза и сразу заснёшь. И будешь спать до самого утра, долго-долго. Смелей. Солдатам сейчас труднее, чем тебе. Они день и ночь под открытым небом, в сырых окопах, в бою. Ни заснуть им толком, ни согреться. А ты пройдёшь по посёлку, как на прогулке. Будь внимательна и осторожна. Но главное, не дрейфь, Зинок, а там сделаешь всё, как задумала». Она вышла к деревянному мосту через речку, остановилась и замерла. Минуты две или три стояла не шевелясь, цепким взглядом изучая дорогу. На мосту и на подходе к нему никого не было, лишь отчётливо слышалась гулкая и монотонная дробь дождя о деревянный настил. Убедившись, что кругом никого нет, Зина вышла на дорогу, быстро пробежала через мост и вновь притаилась в кустах под берегом.

Под ногами шуршала осока, мокрая и колючая, царапала и больно хлестала ноги. Поравнявшись с первыми обольскими избами, которые молчаливо притаились в темноте и точно прижались друг к другу от страха, она свернула на задворки, с трудом продралась сквозь цепкий бурьян к обрывистому берегу и, не оглядываясь, пошла в сторону стальных ферм железнодорожного моста, который смутно вырисовывался в темноте над рекой. Не доходя до моста метров двести, свернула от реки и по узкой лощине пошла к посёлку.

Она приблизилась почти к самой комендатуре, спряталась в кустах, стала выжидать. Часовые выдали себя огоньками сигарет. Они укрылись от дождя под навесом амбара, метрах в двадцати от комендатуры. На неширокой площадке перед одноэтажным кирпичным зданием комендатуры выстроились вдоль дороги четыре грузовика, авторемонтная летучка, под брезентом фура. Зина внимательно оглядела всё перед комендатурой: деревья, забор, груду каких-то тюков и ящиков перед крыльцом, лестницу на чердак, мысленно просчитала шаги от куста, за которым пряталась, до крыльца и обратно, на миг закрыла глаза, собралась с духом н шагнула. Она шла так осторожно, что даже сама не слышала собственных шагов. Она подобралась к комендатуре, обошла машины и, не сводя глаз с тёмных фигур часовых, быстро пересекла открытую площадку перед зданием, ступила на

крыльцо и остановилась у двери. Вынув из-за пазухи листовку, хотела было уже наклеить её, как вдруг заметила» что один часовой вышел из укрытия и заторопился к комендатуре. Зина проворно шмыгнула с крыльца, юркнула за кипу тюков и ящиков, сваленных около входа, почти у самой стены, и затаила дыхание.

Мелькнула мысль: «Заметили. Неужели всё?»

Она слышала приближение шагов. Немец подходил к комендатуре, твёрдо ступая тяжёлыми коваными сапогами. Он остановился настолько близко от Зины, что она уловила горьковатый запах табачного дыма и отчётливо услышала его глубокое дыхание и ей показа* лось, протяни она руку — могла бы дотронуться до его спины. Немец зябко поёжился, затем подошёл к крайнему освещённому окну, постучал в стекло и раздражённо крикнул:

— Курт, шнеллер!

— Айн момент, — откликнулись за окном.

Зина плотней прижалась к тюкам, замерла. В свете окна блестнул штык. Немец повернулся, потоптался на месте, поправил за плечом карабин и зашагал под навес, к амбару.

«Смену торопит, — мелькнуло в голове у Зины. — Скорей?»

Она шагнула к двери, обмакнула кисть в банку с клеем, проворно наклеила листовку и шмыгнула в пролом ограды. Следующую листовку она наклеила к шлагбауму у переезда, ещё две — на полустанке к пакгаузам, где сорвала немецкое объявление и сунула его в карман полупальто. Остальные листовки она наклеила к избам.

На краю посёлка горласто с надрывом прокричал петух и тут же ему бойко отозвался другой.

«Пора возвращаться, — подумала Зина. — Пока тайно. А то, чего доброго, нарвусь».

Дождь холодный, не переставая, хлестал по лицу и озябшим рукам.

Наклеив последнюю листовку в посёлке, Зина решила немедленно уходить домой. Никого не встретив, счастливая, вернулась к бабушкиной избе. Она тихо переступила порог, неслышно затворила за собой дверь и только тут почувствовала, как озябла и устала.

Она быстро разделась, достала из кармана полупальто лист, который сорвала на пакгаузе, чуть выпустив фитиль, про себя прочитала немецкое объявление, в котором под длиннокрылым орлом, несущим в когтях фашистскую свастику, было жирно отпечатано:

«***Ахтунг! С 15 сентября 1941 года вступает в силу приказ германского командования населению:***

1. Кто имеет оружие и патроны, обязан немедленно, в течение 24-х часов, сдать в комендатуру.

2. Кто укроет у себя солдата-красноармейца или партизана, или окажет раненому медицинскую помощь, или снабдит их продуктами, будет немедленно повешен или расстрелян.

3. Всем, кто совершит нападение на солдата фюрера или совершит акцию на железной дороге, а также подожжёт немецкий склад или стог сена, будут расстреляны на месте. В случае если виновные не будут схвачены, то по приказу немецкого командования будут взяты заложники из числа лиц местного населения.

4. При повторной бандитской акции: немецкое командование будет расстреливать двойное количество заложников. Данный приказ имеет силу на женщин, детей и стариков».

Зина со злостью разорвала объявление, подпалила его от лампы и бросила в открытый очелок, а когда бумага вся сгорела, она растёрла обугливщийся комок, легла на койку и немного успокоилась. Однако заснуть не могла долго.

Она потирала руки и ноги, старалась согреть их. Уснула только под утро, когда за окном тёмная непроглядная мгла стала линять и расплываться.

В следующие ночи она снова писала листовки и снова ходила в посёлок Оболь и в деревню Мостищи, и расклеивала их по избам, амбарам, заборам и складам.

У неё появилась уверенность, и действовать она стала быстро и смело, с каким-то неудержимым азартом, радуясь и подзадоривая себя. Она возвращалась домой уставшая и, хотя мало спала, вовремя уходила утром на работу в немецкую офицерскую столовую, где работала посудомойщицей. А вечером, дождавшись, когда Галя и бабушка засыпали, садилась за стол и вновь принималась писать листовки, и снова уходила в посёлок.

* * *

— Ты утверждаешь, что жила в деревне.
— Да.
— Где ты работала?
— В поле.
— Что делала?
— Убирала картофель.
— А в другом месте ты нигде не работала?

— Нет.
— А может быть, ты вспомнишь?
— Что?
— Где ты работала на самом деле?
— Я больше нигде не работала.

12. НА КУХНЕ

Ефросиния Ивановна, как всегда, поднялась рано и уже хлопотала около печки, готовя еду. Она то и дело поглядывала на старые ходики и всё откладывала минутки, чтобы чуть позже будить Зину. Поставив чугунок с варёным картофелем в мундирах и чайник на стол и отрезав три ломтика хлеба, она подошла к койке, на которой спала Зина, поглядела на внучку, поправила одеяло, погладила её по голове, чуть погодя негромко произнесла:

— Зина, вставать пора.

Не открывая глаз, Зина сквозь полудрёму отозвалась:

— Что?

— Вставай, Зинок. А то опоздаешь.

Протерев кулаками глаза, Зина взглянула на ходики — половина шестого. А в шесть ей уже надо быть на кухне. Она откинула одеяло, села на койке и сонно потянулась. В избе было тепло и уютно, хотелось опять лечь под мягкое одеяло, свернуться калачиком и выспаться всласть.

Есть Зине почему-то не хотелось, но, чтобы не обижать бабушку, она съела несколько картофелин и выпила мятной заварки. Ровно в шесть она была на кухне.

Немец-солдат, занимающий должность шеф-повара, в белом халате и колпаке, взвешивал на весах в углу кухни продукты: мясо, крупу, сало, лук, хлеб, сахар и неторопливо раскладывал всё на выскобленном столе. Зинина родственница тётя Ира и её подруга Нина Давыдова — они работали официантками — уже прибрали обеденный зал и накрывали столы.

Вскипятив воду, Зина налила два ведра в большой котёл, который был вмазан в плиту, и стала мыть его. Огромный котёл мыть было трудно. Она промыла его раз, другой, ошпарила кипятком и, вытерев насухо, хотела было заливать водой. Шеф-повар Харальд Ешке остановил её. Он провёл ладонью по внутренней стенке котла, посмотрел на пальцы и недовольно сказал:

— Ещё… Лучше. Ферштейн?

Зина ещё раз промыла котёл и ещё раз протёрла его насухо, и только после этого немец Харальд разрешил заливать его. Потом она носила дрова, мыла грязную посуду, чистила картошку. День на кухне был длинным. Она то и дело носилась из кухни в мойку, из мойки на улицу, таскала к дальней яме помои, чистила кастрюли, потом опять скоблила котлы, таскала дрова и воду. Она почти не замечала, как проходил в столовой завтрак и обед, а

только видела перед собой груды грязных тарелок, ножей, вилок и ложек. Зина настолько уставала, что не чувствовала рук, а ноги к вечеру гудели и подкашивались.

Харальд Ешке весь день держал Зину под надзором и часто покрикивал, поторапливая. Зина делала всё, что приказывал Ешке, молча и почти автоматически, со злостью и ненавистью думая о нём.

Как-то раз под конец рабочего дня, перед самым ужином, она только присела на ящик в посудомойке и тут же заснула. Усталость так сковала её, что девочка долго не могла очнуться и понять, что это такое щёлкает около самого уха. Она мотала головой, а шелчки всё не прекращались. Когда открыла глаза, увидела Ешке. Он стоял около неё и хлестал ладонью по щеке и кричал:

— Встать! Встать!

Увернувшись от ударов, Зина вскочила с ящика, юркнула мимо Ешке в кухню, а оттуда на улицу. Глотая слёзы и покусывая губы, она пошла за дровами, набрала охапку, а когда вернулась на кухню, то увидела там тётю Иру. Она стояла перед Ешке и, сдерживая гнев, говорила ему:

— Не смей трогать девчонку. Слышишь?! Не то пришибу. Нет, не пришибу. Я просто скажу вашему начальству, как ты воруешь и продаёшь масло, хлеб, сахар и крупу. Офицеры, у которых ты воруешь, повесят тебя или выгонят на фронт. Понял?

Ешке не знал всех слов, которые ему выпалила тётя Ира, но по глазам понял весь смысл их. Отступая к плите, он что-то долго бормотал по-немецки. Из всех слов его Зина поняла только одно: «Саботаж». Опасаясь за тётю Иру, Зина подошла к Ешке и сказала как можно спокойнее:

— Я очень больна. Ферштейн?

— Я!.. Я!.. — ответил Ешке. — Зо. Шнеллер, быстро работать.

Он выпроводил тётю Иру с кухни, принялся за работу и весь вечер до конца смены не покрикивал на Зину и не приказывал. А она не выходила из посудомойки и молча вытирала посуду.

* * *

— От кого ваша организация получала задания?

— Я не знаю ни о каких заданиях.

— Кто выполнял диверсионные акции против германских войск?

— Я не знаю.

Откуда получили взрывчатку подпольщики?

— Не знаю.
Кто подрывал составы на железной дороге?
— Не знаю.

13. «ПОВОРАЧИВАЙ ОГЛОБЛИ»

Марии Лузгиной хотелось как можно скорее передать пулемёт партизанам. Она надеялась на встречу с Маркиямовым, но он уже давно не появлялся в посёлке. Сама идти в Шашенский лес она не решалась, так как совершенно не знала дороги к месторасположению отряда. Несколько дней она думала, как быть, и решила поговорить с Фрузой, чтобы та через связного передала в отряд Маркиямову, что она хочет поговорить с ним о важном деле.

Борис Кириллович не заставил себя долго ждать. Он пришёл сразу же, на другой день, лишь только связной вернулся в отряд.

В доме Лузгиных, кроме Марии, была ещё сестра Тоня и мать Антонина Антоновка, невысокая молчаливая женщина.

Маркиямов переступил порог, поздоровался со всеми и, сделав вид, что заглянул мимоходом, не стал спрашивать Марию ни о чём, так как сразу понял, что девушка хочет поговорить с ним действительно о каком-то серьёзном деле с глазу на глаз.

Антонина Антоновна угостила гостя чаем и словно по делу ушла к соседям. Тоня, младшая сестра Марии, тоже, не показывая вида, вышла из избы на улицу, догадавшись, правда не сразу, что приход Маркиямова к ним не случаен и что Марии необходимо побеседовать с ним наедине.

Когда они остались одни, Маркиямов, закуривая, спросил:

— Какое у тебя важное дело? Говори, шутки, наверное.

— Что вы, Борис Кириллович. Какие шутки, — Мария лукаво улыбнулась. — Стала бы я вас из-за пустяков по лесу гонять. Пулемёт у меня есть. Хочу вот вам в партизанский отряд передать.

Маркиямов удивлённо и недоверчиво уставился ка девушку, рука с сигаретой, так и застыла в воздухе.

— Какой пулемёт?

— Наш, советский. «Максим».

— Разыгрываешь? — Маркиямов ещё более удивлённо покосился на девушку, всё ещё не веря услышанному.

— Да нет, Борис Кириллович, серьёзно.

— Где же ты его взяла?

— Солдат раненый оставил. Я, говорит, с ним до своих не дойду, а вам может здесь пригодиться. Бросить, говорит, жалко. Вот и оставил мне «максим», а к нему ещё три коробки с полными ленточками.

— Старый, наверное, пулемёт-то, — заинтересовался по-серьёзному Маркиямов.

— Нет. Солдат сказал, что исправный. Хоть сейчас, говорит, ленту вставляй и шпарь по немцам за милую душу.

— Где он у тебя?

— Мы его с солдатом в сарае сховали. Можете убедиться.

— А ну-ка, пошли, поглядим.

Мария отомкнула замок, открыла ворота сарая и пропустила вперёд Маркиямова. Вошла сама и плотно прикрыла за собой створку ворот.

Взяв вилы, она откинула в углу сарая солому — в образовавшейся нише показалась серая дерюга, которой был прикрыт пулемёт. Мария откинула её и отступила к стене.

— Вот полюбуйтесь. А вы не верили. Говорили, шучу.

Маркиямов присел на корточки, ладонями ощупал холодный кожух пулемёта, повернул в сторону ствол на станке, потом поднял стальную планку и проверил замок и даже нажал на гашетку — всё было исправно. Не удержался проверить он и коробки — в них действительно были ленты, полностью набитые патронами.

— Ну и молодец ты, Маша! — Маркиямов улыбнулся. — Вот спасибо. И солдату тому. Хозяйский, видать, парень. Не бросил. Пригодится нам в отряде этот «максимчик».

Они прикрыли пулемёт дерюгой, завалили соломой и вышли из сарая. Глаза Марии светились радостью.

В партизанский отряд пулемёт они переправили по первому снегу на санях. Мария сходила к Ивану Гавриловичу Езовитову, которого немцы назначили обольским бургомистром. Она заранее договорилась с ним о лошади, чтобы привести сено.

В назначенный день, ровно к полудню, Мария подкатила к сараю на тощей лошадёнке, запряжённой в сани. Маркиямов к тому часу уже пришёл к ним. Он сидел у окна, поглядывал на улицу и курил козью ножку.

Борис Кириллович вышел из избы, загасил в снегу цигарку и пошёл к сараю.

Вдвоём они быстро погрузили разобранный пулемёт в сани. Хорошо притрусили его соломой, прикрыли овчинным полушубком и, прихватив пару вил, выехали из деревни.

Лошадью правила сама Мария. Борис Кириллович сидел рядом, посматривал по сторонам и покуривал.

Слегка морозило. Снег под стальными полозьями поскрипывал упруго и весело. Лохматая лошадёнка неторопливо трусила по улице.

Подхлёстывая лошадь вожжами, Мария краем глаза косилась на тёмные избы сбоку дороги. Кругом не было ни души. Только на переезде через шоссе им повстречались два солдата с

термосами за плечами. Они проехали мимо них спокойно, не вызвав подозрений.

Потом миновали деревню Мостищи и выехали на дорогу, которая убегала к лесу.

— Кажись, выбрались, — проговорила Мария, лишь только они выехали за околицу Мостищ, и тут же замолчала. Со стороны леса навстречу им верхом на сером резвом коне, взбивая снег, быстро скакал кто-то.

— Кого это ещё нелёгкая несёт? — в сердцах, недовольно сказал М!аркиямов. Он вынул из внутреннего кармана пистолет и переложил его в карман полушубка.

— Обнимите меня, Борис Кириллович, — выпалила вдруг Мария.

— Что? — не понял Маркиямов,

— Обнимите, говорю, скорей. Ну!

Маркиямов обхватил девушку правой рукой за плечи и легонько прижал к себе.

— Держи правой стороны, а как подъедешь ближе, прижми его с дороги в снег. В случае чего — гони во всю мочь.

— Ладно.

Лишь только Мария успела ответить, как всадник поравнялся с ними. Почти на полном скаку он осадил серого тонконогого коня. В седле, крепко подтянув поводок уздечки, сидел начальник обольской полиции Экерт. Он был жёлт и сух лицом, как пустынный песок. Жёсткие жёлтые волосы выбились из-под смушковой чёрной шапки.

— Стой! — крикнул Экерт. — Поворачивай оглобли,

Мария натянула вожжи, их лошадь враз стала бок о бок вровень с серым вспотевшим конём Экерта.

— Куда это ты собралась, Лузгана? А?

— За сеном, Николай Артурович. На дальний покос. Бургомистр мне разрешил. Вот и лошадь с санями дал. Нам только один возок небольшой и надо.

— А это кто с тобой?

— Жених мой. Ай не узнал Бориса Маркиямова. Он же в нашей школе до войны работал. Забыл разве?

— Всех не упомнишь, — Экерт внимательно поглядел на Маркиямова, потом на Марию и подумал: «А ведь и впрямь уже невеста стала. Вымахала девка», — и вслух сказал: — Быстро ты…

— Что? — улыбаясь, спросила Мария.

— Выросла, говорю, быстро. Вот уж и невестой стала. Напрасно торопишься. Ничего нет хорошего в замужней жизни для бабы. Дрянь и одни хлопоты. Погуляла бы лучше. Куда торопиться?

— Как же не торопиться. Нынче каждый мужик дороже золота. Днём с огнём не сыщешь. Если не схвачу своего счастья — другие оторвут. Хочу к вам за разрешением прийти.

— А если я не дам его?

— Это почему же? — спросил Маркиямов на полном серьёзе.

— Калым за невесту по новому порядку начальству положен, — хитро посмеиваясь, ответил Экерт.

— За подарком мы не постоим, — сказал Маркиямов. — Калым за невесту выдадим.

— Тогда приходите. Зарегистрирую ваш брак. Только не забудьте на свадьбу пригласить.

— Обязательно! — лукаво и задорно смеясь, выдохнула Мария, по-настоящему радуясь удачно заплетённому разговору. — Пригласим.

— Ну, будьте здоровы, молодожёны. — Экерт освободил поводок уздечки и тронул коня. — Пошёл, Серый!

— Пока! — откликнулась Мария, хлестнув лошадь по спине вожжами.

Чем дальше они удалялись от Экерта, тем чаще погоняла Мария лошадь. Вскоре лошадёнка дотрусила до запорошённого снегом леса.

— Пронесло, никак, — отпуская вожжи, облегчённо вздохнула Мария и вдруг сплюнула. — Ишь, гад, калым захотел,

— Колыма по нём плачет, — отозвался Маркиямов, закуривая.

— Пулю ему в лоб, а не Колыму.

— Придёт время, получит.

14. ЧТОБЫ КОМАР НОСА НЕ ПОДТОЧИЛ

Взрыв на станции Оболь состава с авиабомбами и снарядами переполошил немцев. Весь гарнизон был поднят по тревоге. Немцы сбились с ног в поисках партизан. Они прочесали окрестные леса и, не найдя никого, ни с чем вернулись в посёлок. Майор Друлинг, комендант обольского гарнизона, был настолько взбешён диверсией, что готов был самолично пристрелить первопопавшегося на глаза. С трудом сдерживая гнев и ярость и опасаясь жестокого наказания со стороны начальства, он доложил командованию, что взрывы на станции Оболь были следствием налёта русской бомбардировочной авиации.

Нина Азолина, работавшая в комендатуре секретарём, приходила на службу немного раньше установленного времени и сразу приступала к работе. Помня о том, что немцы любят пунктуальность и точность, она старалась во всём поддерживать этот порядок. Нина садилась за свой стол, кивком головы здоровалась с переводчицей Терезой Оттовной, по рекомендации которой она была принята на работу в комендатуру. Нина была сдержанна в разговорах и служебные обязанности исполняла аккуратно, деловито и молча, что нравилось Друлингу.

Начальник гарнизона не прятал от подчинённых своей хитрости, а, наоборот, даже подчёркивал её. Он нарочно намекал почти во всём, что не доверяет не только Азолиной, но даже Терезе Оттовне. Видя в них ревностных и исполнительных служак, он поручал им многое, но не раскрывал служебных тайн и всегда относился к обеим с холодным пренебрежением и брезгливым высокомерием. По натуре он был надменен, груб, вспыльчив и никогда не умел владеть своими нервами. Даже на ближайших своих подчинённых немцев он смотрел искоса, едва удостаивая внимания.

Вернувшись из карательной экспедиции против партизан и не зная, на ком сорвать зло, Друлинг вызвал по телефону начальника обольской полиции Экерта и дал полную волю своему гневу. Он долго распекал Экерта за плохую охрану дороги полицаями, грозился расстрелять и повесить, если тот не поймает бандитов. Экерт поспешил сообщить Друлингу, что его люди уже изловили двух девчат, сестёр Лузгиных, которые, по его мнению, связаны с партизанами и у них при обыске было найдено немецкое обмундирование и он заключает из этого, что они убили немецких солдат.

Услышав это, Друлинг молча и испытующе посмотрел на Экерта, точно хотел уловить подвох, но лицо полицая, серое, осунувшееся, с испуганно-притаенным выражением в глубокосидящих глазах, красноречивее всего говорило о верности слов. В глазах Экерта Друлинг увидел рабскую покорность.

— Они сознались? — спросил Друлинг.

— Нет.

— Они должны сказать всё.

— Едва ли они заговорят, — глухо возразил Экерт.

Друлинг подошёл к Экерту вплотную и процедил сквозь зубы:

— Тогда пытать. Слышишь, пытать.

— Они ничего не скажут.

Друлинг сел и, закуривая, медленно проговорил:

— Казнить публично! Чтобы все видели! Все! Понятно?

— Слушаюсь, — поспешно ответил Экерт и облегчённо вздохнул, будто скинул тяжкий груз с плеч. Он приподнялся со стула и хотел было уйти, думая, что на этом разговор окончился, однако Друлинг указал ему на место. И когда Экерт, поджав под себя полы пальто, вновь сел, Друлинг под строжайшим секретом посвятил начальника полиции в детали плана, который тот должен был осуществить.

Ни один день и ни одну ночь отдал Друлинг для создания своего коварного замысла. Он перебирал в уме тысячи возможных вариантов ликвидации подпольной группы, которая действовала уже давно в обольском гарнизоне. Окончательный план у него созрел совершенно случайно из простой и, казалось бы, безобидной мысли. Каждое утро, проходя в свой кабинет через приёмную, где сидела Азолина и Тереза Оттовна, он отвечал на их приветствия молчаливым кивком головы. Однажды, подходя к двери, он более обычного задержал свой взгляд на Нине. Она заметила это, не подала вида и как ни в чём не бывало склонилась над бумагами. А у Друлинга в это время мелькнула мысль: «Странно. Эта русская, или, как её там по анкете, литовка, всё ещё работает в комендатуре. Или она настолько лояльна, что может так долго сотрудничать с нами»,

У Друлинга не было повода для подозрения или даже тени сомнения, но он тем не менее уверил себя в обратном и заподозрил Нину.

«А не подослана ли она ко мне партизанами?» — подумал он и тут же у него родился план, который незамедлительно решил осуществить.

Чтобы выполнить этот план, он вызвал Экерта и посвятил его во все детали своей хитро задуманной ловушки.

Друлинг говорил с Экертом сухо, короткими резкими

фразами. Экерт ясно сознавал то, о чём говорил ему шеф, хотя слышал голос его будто издалека, настолько собственные мысли мешали слушать. Думал он о себе. Служа немцам как верный холуй и не жалея ничего святого на свете для этой службы и подчас не считаясь с самим собой, он никак не мог понять, почему это немец постоянно говорит с ним всегда пренебрежительно, точно видит перед собой не подобного себе, а что-то вроде животного, которого ничем нельзя назвать. Слушая Друлинга, Экерт никак не мог отделаться от мысли, невзначай пришедшей на ум. Голос

Друлинга шероховатый, резкий напоминал Экерту чем-то звук, который раздаётся при досылке патрона в патронник,

— Взрывы в Оболи, Экерт, это не есть акции партизан. Внутри гарнизона действуют другие бандиты. Их надо уничтожить. Ты это сделаешь. Слышишь? Ты и твоя полиция, которая жрёт самогон и ничего не делает. Ты понимаешь, чем это может кончиться, если не выловить бандитов.

— Понимаю, — Экерт поёжился.

— Нет, Экерт. Ты ни черта не понимаешь. Если гестапо возьмётся за это дело, то оно выкинет меня из этого кресла и отправит на фронт, а с тебя спросят по-другому.

Экерту хотелось возразить Друлингу, что тот несправедливо и беспричинно винит его, но, находясь в полной зависимости от немцев, он ничего не мог сказать в свою защиту. Искорка несогласия, чуть вспыхнувшая в его мозгу, тут же угасла, придавленная покорностью. Он чувствовал себя как паук в жестяной коробке, из которой не было выхода, и потому совершенно не мог постоять за себя, когда ему явно угрожали.

— Я сделаю всё, не поскуплюсь собой, господин майор, а выслежу бандитов, — только и сказал Экерт в ответ на угрозу Друлинга.

— Один со своими шавками ты ничего не сделаешь, Экерт, — возразил Друлинг. — Слушай меня внимательно.

На миг он замолк, встал из-за стола, прошёлся по кабинету, постоял у окна, прищуренным взглядом прощупал обольские дома, потом, подойдя к двери и закрыв её на замок, вернулся к своему креслу. Закуривая, он налёг грудью на стол, выкинул из лачки Экерту сигарету. Когда тот поспешно прикурил от его зажигалки, Друлинг шёпотом проговорил:

— Сделаешь то, что прикажу. Слышишь, и никакой инициативы от себя. Это нужно выполнить тонко, без выстрелов. Как это у вас там говорят… Чтобы комар носа не подточил.

— Слушаюсь. — Экерт поспешно кивнул головой и подвинулся ближе к столу. Когда Друлинг подробно изложил суть

своего замысла, Экерт ухмыльнулся:

— Добро, закумекано. Настоящим дельцем попахивает.

— Справишься?

_ Исполнить можно. Чувствую, придавим кое-кого к ногтю.

— Подсадную утку подобрать сумеешь?

— Сыщется, Можете надеяться. Есть у меня на примете один щенок.

— Надёжный?

— Я его потрохи насквозь вижу. Довериться можно.

— Гарантии?

— Дезертир, Сбег с фронта. И на чердак заполз. Привык — объявился. Сейчас по девкам бегает. Его отец, между прочим, тоже за Советскую власть кровь не проливал. Щенок в отца пошёл.

— Кто такой?

— Гречухин Николай.

15. НАЖИВКА ДЛЯ КРЮЧКА

Не желая посвящать никого из своих подчинённых полицаев в хитрый план Друлинга, Экерт решил отыскать Гречухина сам и поговорить с ним наедине, без посторонних свидетелей. Помня предостережение Друлинга, что всё задуманное надо выполнить осторожно и точно, Экерт ждал случайной встречи с Гречухиным где-нибудь в укромном месте. Гречухин нужен был ему до зарезу, а тот, как на грех, не подвёртывался под руку. Друлинг торопил Экерта, и начальнику полиции ничего не оставалось делать, как распустить слух. Сделал это он будто невзначай в разговоре с несколькими жителями посёлка и то с ведома шефа, давшего ему это хитрое задание, что немцы разыскивают Гречухина, подозревая его в чём-то. Отбросив мысль о случайной встрече, Экерт пошёл к Гречухину ночью домой, поднял с постели и увёл в комендатуру, где в тот поздний час никого, кроме двух часовых, — один из которых дежурил на улице, а другой в приёмной, на телефоне, — не было.

Он открыл дверь кабинета, в темноте прошёл к окну, тщательно зашторил его и только после этого включил свет. Гречухин переминался с ноги на ногу за порогом, не решаясь войти. Он опасливо поглядывал на Экерта, мучил себя вопросами: «Что ему от меня надо?» — и нервно мял кепку в руках.

Экерт неторопливо снял пальто, повесил на гвоздь, поправил ремень с кобурой и сел в кресло, притащенное полицаями из школы. За спиной Экерта, на стене, к тёмным грязным обоям был приклеен портрет Гитлера, вырезанный из пожелтевшей немецкой газеты. Лицо Гитлера, одутловатое, дегенеративное с чёрными усиками под ноздрями, было картинно вздёрнуто вверх и резко сдвинуто вбок. Безумные, чуть навыкате глаза глядели на Гречухина в упор, тупо и надменно.

«А чёлка у него как у блатного» — подумал Гречухин и усмехнулся.

— Ты чего, Мишка, там стоишь? — окликнул Экерт Гречухина. — Закрой плотней дверь и проходи сюда.

Гречухин нерешительно подошёл к столу.

— Садись, — Экерт указал на стул.

— Не смею отказаться, господин начальник.

Он сел напротив, на самый краешек стула, заложил ладони рук между коленями и всем корпусом подался вперёд.

— Курить будешь? — Экерт выкинул сигарету из пачки.

— Можно.

Поднося спичку и пристально глядя в небритое и сплюснутое

лицо Гречухина, Экерт спросил:

— Ты против немцев где воевал?

— Нигде.

— А в Оболь вернулся зачем.

— Наши отступать стали. Я и вернулся к дому.

— Кто это — наши?

— Ребята из взвода. Их там с гулькин нос осталось. По пальцам пересчитать можно.

— А сейчас чем занимаешься?

— Хвораю. У меня поясница болит.

— Ты мне, Мишка, мозги не дыми. Хочешь отлежаться? Не выйдет. Я с тобой в бирюльки играть не стану. Церемониться тоже. Немцы тебя в айн момент шлёпнут, как узнают, что ты против них воевал! Так что не вертись. Нет у тебя выхода. Выбирай.

— Чего?

— Либо щи — кашку, либо свинцовую пуляшку…

— Кашка лучше.

— То-то же… Дельце мне одно провернёшь, пронюхаешь кое-что. Понял?

— Можно.

— Давно бы так. А то юлил туда-сюда. Ни нашим, ни вашим… Отец у тебя умней был. Он завсегда знал, кому служить.

Гречухин сплюнул на палец, пригасил сигарету и положил в пепельницу на столе.

— Да я что… — поспешил оправдаться он. — Я ничего. Только неожиданно для меня всё это. Ведь я никогда таким делом не занимался.

Экерт раздражённо шлёпнул по столу.

— Хватит кота за хвост тянуть. Слушай внимательно. Сегодня ночью ты подожжёшь склад.

— Как?

— Молчи! В третьем часу обольёшь стену пакгауза бензином, чиркнешь спичкой и…

— Пришлёпнут, господин Экерт.

— Нишкни. Охрана предупреждена. Тебя только схватят, отправят в тюрьму и все…

У Гречухина перехватило дыхание. Он слушал, а мысли его уже уплывали в тюрьму. Экерт замолк, вновь закуривая. Стало так тихо, что было слышно, как за плотной занавеской на окне, тычась в стекло, не находя выхода, нудно жужжала, как бомбовоз, муха.

— А если убьют? — глотая комок в горле, прошептал Гречухин.

— Нишкни, говорю. Немцы всё знают. Они набьют тебе только морду да жрать несколько дней не дадут — и всё. Понял?

— А дальше?

— Посидишь несколько дней в карцере. Обрастёшь щетиной… А потом тебя выкинут — и всё.

— А ну как убьют.

— Не скули. Немцы сами этот финт выдумали. Только живца у них не было, на которых больших щук ловят. Так что придётся тебе несколько дней на крючке поболтаться. Понял?

— Ещё бы не понять.

— То-то же. А мы тем временем слушок пустим. Мол, случайно пожар занялся. От окурочка пакгауз огорел. И что, мол, не виноват. Прощения просил. Немцы тебя пожалели. Помордовали немного и отпустили.

— А ещё что от меня потребуется?

— Ягодки впереди. Когда вся эта мышиная возня для тебя пройдёт, сыщешь тех, кто взрывает составы. Расскажешь им, что умышленно поджёг склад. Войдёшь в доверие. Ухватишься за ниточку и всех до одного вытянешь. Докумекался теперь, в чём дело?

Гречухин вскочил со стула:

— Не надо! Я не смогу! Дайте что-нибудь другое. Они же меня за такое убьют.

— Сядь! — отрывисто хлестнул словом Экерт. — Немцы скорее убьют, как узнают, что ты против них воевал. Ну? Пронюхаешь?

Руки Гречухина плетьми повисли вдоль тела.

— Сделаю. Всё обязательно сделаю. Только не говорите про меня.

— Вот так-то лучше. Ты парень не промах. Из тебя выйдет толк. Выполнишь — не забуду. Всё учту. А пока на вот, закури. Успокойся. Экерт выкинул на стоя несколько сигарет. Гречухин трясущимися руками схватил одну из них, сунул в рот и потянулся к начальнику полиции за спичкой.

16. ДЕВОЧКА С КОСИЧКАМИ

В тот апрельский вечер Зина вышла из дома до наступления сумерек. Солнце большое, красное, точно нарумяненное на ветру, медленно клонилось к горизонту.

Зина стояла на крыльце, поджидала Евгения Езовитова, который с минуты на минуту должен был зайти за ней. Чуть прищурившись, она глядела на улицу, тихую, пустынную: не было слышно ни лая собак, ни людских голосов. Только один раз из крайнего дома выбегала с ведром женщина, достала воды из колодца и так же быстро вернулась.

В нетерпении Зина стала прохаживаться по расчищенной дорожке от дома к калитке. Она уже хотела было зайти в дом, но, оглянувшись, увидела, как из дальнего проулка вышел Евгений и быстрой походкой направился вверх по улице, Зина подбежала к калитке, раскрыла её и стала ждать.

— Как дела? — спросила Зина, лишь только Евгений вошёл во двор.

— Нормально, — ответил Евгений. — Ты как, готова? Тогда пошли.

На крыльцо вышла Ефросиния Ивановна, спросила:

— Далеко ли вы это идти сговорились?

— Да так… Людей посмотреть, себя показать, — отшутился Евгений. — Вы не волнуйтесь, Ефросиния Ивановна, мы скоро придём.

Ефросиния Ивановна краем глаза взглянула на Зину, потом на Евгения и улыбнулась, припомнив, как внучка долго расчёсывала перед зеркалом волосы, как старательно заплетала косички и завязывала шёлковые ленты в бантики, как долго наглаживала светло-голубовое платье, которое редко надевала.

— Людей смотри, немцу себя не показывай, — не то в шутку, не то всерьёз сказала Ефросиния Ивановна.

— Мы, бабуль, в Ушалы сходим, — сказала Зина.

— А у вас там что, вечеринка собралась, что ли?

— Вроде того, — уклончиво ответил Евгений.

— Не время теперь веселиться. Сидели бы дома. В карты играли, что ли.

— В карты сейчас играть не хочется.

— Как знаете.

— Так я схожу, бабуль, можно? — спросила Зина.

— Сходи. Только недолго. А ты, кавалер, обратно уж её проводи. Затемно небось вернётесь.

На лице Зины вспыхнул румянец.

— Само собой, — кивнул Евгений.

Когда они выходили за калитку, бабушка предупредила, крикнула им вслед:

— Поосторожней идите.

Зина и прежде ходила в деревню Ушалы, но у Фрузы Зеньковой не была ни разу до этого.

Когда ребята собрались, отец Фрузы вышел на улицу с лопатой и стал копать грядку в полисаднике. Работал Савелий Михайлович неторопливо, исподволь зорко оглядывал улицу — охранял дом, в котором собрались члены подпольной организации «Юные мстители».

Евгений и Зина подошли к дому, когда уже почти стемнело. В небе, очищенном ветром от облаков, мерцали далёкие звёзды. Евгений оглядел улицу — кругом ни души. Савелий Михайлович встретил их у ворот, снял рукавичку, поздоровался.

— К вам можно? — спросил Евгений.

— Отчего же нельзя. Зайди, — ответил Савелий Михайлович и взглянул на Зину. — Это чья будет?

— Зуевская. Ефросинии Ивановны Яблоковой внучка.

— Слыхал, ступайте в избу.

В просторной и уютной горнице собралась молодёжь. Девчата сдержанно подсмеивались над ребятами, а те в свою очередь немного шумно парировали девичьи остроты. Светло, по-праздничному горела большая лампа, прикрытая круглым жестяным абажуром.

— Вот и хорошо, что вы пришли, — сказала Фруза, подойдя к Зине. — Это та самая девочка, про которую ты мне говорил, Евгений?

— Она самая.

— Здравствуй, Портнова, — Фруза подала Зине руку, сдержанно пожала её.

— Здравствуйте, — Зина робко кивнула головой.

— Ты не стесняйся. Здесь все свои. Располагайся, где поудобнее,

Зина развязала серый платок, сняла полупальто, посмотрела на ребят и девчат, которые, тесно сгрудившись, сидели за столом.

Мария Дементьева встала со скамейки и уступила место Зине около печки. Зина села, ещё раз оглядела ребят и девчат и улыбнулась: почти всех, кто находился в горнице, она знала или видела раньше, Нина Азолина сидела с гитарой в простенке на венском стуле, легонько перебирала струны и чуть слышно напевала. Бледное чистое лицо её было задумчиво.

Евгений всё ещё стоял в дверях и шёпотом убеждал в чём-то Фрузу, она внимательно слушала его, тихо покачивала головой и

сдержанно улыбалась.

— Хватит меня убеждать, — остановила Фруза Евгения, снимая с него кепку. — Раздевайся лучше.

Евгений скинул пальто, повесил в уголок, пригладил взъерошенный чубчик, подмигнул Давыдовой Нине, сидевшей ближе всех к двери, и весело выпалил:

— Привет честной компании!

— Здравствуй, — ответила Давыдова Нина улыбаясь— Что, не сидится дома?

— Вот именно. Скучал на печке — места не находил, а потом, думаю, дай-ка я в Ушалы пройдусь. Может, у них там девчата собрались.

— Ясно, — засмеялась Фруза. — Значит, ты в нашу деревню до девчат пришёл? Что у вас в Зуях и Оболи своих нету, что ли?

— Почему нету. — Есть, — Евгений отступил к середине горницы и, указывая на Зину, проговорил с задором. — Вот полюбуйтесь, пожалуйста. У нас даже городские есть. Прошу любить и жаловать, Портно-ва Зина.

Зина смущённо улыбнулась, а Фруза поерошила чубчик Евгения.

— Хватит. Не смущай людей.

Скованность и волнение Зины будто рукой сняло, она почувствовала себя в этой обстановке просто и уютно, точно уже несколько раз была здесь раньше.

Вдруг раздался условный стук в окно — ребята притихли. Отворилась дверь, в горницу вошёл брат Фрузы, Николай, за ним следом Маркиямов Борис Кириллович. Снимая пальто, он недовольно сказал:

— Ну, что вы повскакали все, как в школе. Сидите.

Освобождая место за столом и отходя к окну, Федя Слышанков ответил:

— А мы и впрямь, Борис Кириллович, сегодня как в школе.

— Верно, — Маркиямов подошёл к ребятам. — Только вот уроки и задания у вас на сегодня посложнее, чем в учебниках.

— А мы и эти выполним, Борис Кириллович, — убеждённо заверил Федя.

— Верю. Хотя, правду сказать, не хотелось бы мне давать вам такие задания, — ответил Маркиямов и, взглянув на Фрузу, спросил: Все собрались?

— Все.

— Тогда не теряйте время и начинайте.

Фруза встала и ровным спокойным голосом произнесла:

— Сегодня нам надо рассмотреть два вопроса: первый — приём нового товарища и второй — наши задачи, вернее,

выполнение задания партизанского командования. По первому вопросу слово имеет Евгений Езовитов.

Евгений вышел на середину горницы, пригладил ершистый чубчик, откашлялся, взглянул на Зину и, подбирая слова, сказал:

— Дело вот какое. Я вообще много говорить не буду. Я вот, что хочу сказать. Имею предложение принять Зину Портнову в члены нашей организации «Юные мстители». Девочка она верная. Никогда не подведёт. Можете на неё рассчитывать. В этом я очень уверен и даю вам в том своё твёрдое комсомольское слово.

— Почему ты её рекомендуешь? — строго спросила Нина Азолина.

— Да потому, что смелая. И потом ей нельзя одной. И нашей организации она очень подойдёт, потому как очень сознательная.

Маркиямов повернулся слегка и взглянул на Зину. Обращаясь к Евгению, спросил:

— Почему ты считаешь, что она смелая и на неё можно рассчитывать?

— Она сама по собственной инициативе писала листовки и ночью тайком одна расклеивала по посёлку. Я сам видел. А немцы за такие дела по головке не гладят. Она об этом знала. А ещё потому, что глаза у неё вот такие, честные и прямые.

— Ну, это ты загнул, — улыбнулась Фруза. — За красивые глаза мы никого не принимали и принимать не будем. Но если по-человечески подходить, то, я считаю, надо послушать саму Зину.

Нина Давыдова кивнула Зине, подбадривая её.

— Расскажи о себе, Зина.

— А что надо рассказывать?

— Как что? То, что я тебе говорил, — шепнул Евгений.

— Нет, — вмешалась вдруг Нина Азолина. — Только не то, к чему тебя подготовил Женя. Расскажи лучше свою биографию.

Зина заложила руки за спину, собралась с мыслями, негромко и несмело произнесла:

— Родилась я в городе Ленинграде. Училась в школе. Окончила семь классов. Там же, в школе, вступила в пионеры. Летом приехала с сестрёнкой в деревню Зуи на каникулы, к бабушке. Когда немцы стали подходить, мы с сестрёнкой бежали. Но немцы окружили и поэтому нам пришлось вернуться обратно. Сейчас я работаю судомойкой в офицерской столовой. Только, если бы они не заставили, я никогда не стала бы на них работать. Вот и всё,

— А в Ленинграде, кроме учёбы, ты ничего не делала? — спросила Нина Азолина.

— Занималась в балетном кружке при Дворце культуры, Я

очень люблю балет. А так больше ничего…

Евгений с досадой поерошил свой чубчик и недовольно дёрнул Зину за рукав.

— Ты, пожалуйста, про балет не говори. Молчи. Лучше расскажи, почему листовки стала писать?

— Не могла иначе. Когда отступали, я видела, как фашисты жгли деревню Барсуки в Сиротинском районе. И жителей тоже сожгли. Согнали в один дом всех, бросили в окна гранаты и спалили всех живыми. Кто выскакивал из окна, расстреливали из автоматов. Никого не пощадили. Даже детей.

Зина говорила, с трудом сдерживая волнение. Глаза её заволоклись слезами, и чтобы не расплакаться, она часто заморгала, покусывая губы. Лицо её смуглое было сурово и напряжено; большие широко раскрытые тёмно-серые глаза блестели остро и жутко, точно в них вспыхнуло и отразилось пламя горящей деревни Барсуки.

— Вот поэтому я стала писать листовки, — проговорила Зина и закусила губы.

В горнице стало до того тихо, что было слышно, как за окном прохаживается Савелий Михайлович.

Ребята замерли, поражённые услышанным, хотя и раньше они многое знали о зверствах фашистов.

Маркиямов достал сигарету, закурил, посмотрел на ребят и сказал:

— По-моему, надо принять. Твоё слово, вожак.

Фруза встала.

— Поступило предложение принять Зину Портнову в члены организации «Юные мстители». Кто за, прошу поднять руку.

Ребята и девчата, точно по команде, все как один, подняли руки. Маркиямов и Николай Зеньков — тоже. Евгений Езовитов выше всех тянул руку, широко и счастливо улыбался.

— Единогласно, — Фруза вышла из-за стола, подала Зине небольшой листок. — А теперь, Зина, ты должна зачитать нашу клятву и подписаться под ней.

Зина приняла от Фрузы листок, листок чуть вздрогнул в руке, и негромко, заметно волнуясь, стала читать:

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в члены подпольной комсомольско-молодёжной организации «Юные мстители», перед лицом моих товарищей по оружию принимаю присягу и торжественно клянусь, что не пожалею ни сил, ни самой жизни для полного освобождения моей Родины от фашистских захватчиков. Клянусь! Смерть немецким оккупантам!

Когда Зина читала, взоры всех ребят были обращены к ней.

Все они несказанно были рады за эту маленькую девочку с косичками, которую принимали в свою боевую семью. А лицо Зины было простым и милым, и в нём светилось ещё много детской непосредственности.

Кончив читать, Зина подошла к столу, поставила свою подпись под присягой и передала листок Фрузе.

— Поздравляю тебя, — пожимая руку Зине, сказала Фруза. — Теперь ты с нами. Теперь не немцы будут хозяевами над тобой, а ты над ними.

— Спасибо за доверие, — взволнованным голосом произнесла Зина. — Я… Я всегда всё выполню, что ни поручите.

— Верим. Поэтому мы тебя и приняли.

Евгений подошёл и крепко, до боли, стиснул маленькую ладонь Зины.

— Поздравляю тебя. Вот видишь? А ты говорила, не примут.

Вслед за Евгением Зину поздравили все ребята и Борис Кириллович.

Зина стояла посреди горницы счастливая. Щёки её горели огнём, не то от волнения, не то от тепла.

— Тебе, наверное, жарко? — спросила Фруза. — Сними кофточку.

Зина расстегнула пуговицы, скинула с себя шерстяную кофточку, положила сзади на скамейку — под светло-голубым воротником ситцевого платьица вспыхнул ярким пламенем красный пионерский галстук.

Ребята увидели галстук и удивлённо вдруг смолкли, а у Нины Давыдовой на глаза навернулись слёзы. Сдерживая их, она чуть слышно проговорила.

— Красный галстук! Ребята, вы посмотрите только!.. Зто же наш пионерский галстук!

Она не договорила. Боясь, что слёзы потекут из глаз, Нина закрыла глаза руками. Фруза подошла к Зине, обняла её и поцеловала. Когда ребята немного стихли и успокоились, Маркиямов взглянул на часы.

— Времени у нас, Фруза, мало, я коротко. Первое командование отряда просило сообщить вам, что все члены подпольной организации «Юные мстители» зачисляются бойцами партизанского отряда. Мы довольны вами за то, что вы успели сделать и разведать для нас. Но отныне вам необходимо переходить на новую форму борьбы. Это решение подпольного райкома партии. Вам не следует собираться всем вместе. Это небезопасно. Немцы могут пронюхать. Отныне вы должны действовать небольшими группами и в разных местах, чтобы сбить врага с толку. Но действовать необходимо продуманно и

осторожно. Оружие продолжайте собирать, патроны тоже. А мы вам взамен будем присылать взрывчатку, через связных. И учтите — в группах сохраняется железная дисциплина. Приказы выполнять по-военному, беспрекословно. Всё ясно?

— Все, — ответила Фруза. — Мы выполним приказ.

— А теперь по домам. По одному, по два, осторожно.

— Постойте, — возразил Илья Езовитов. — А песню?

— Ой, девочки, верно, спеть бы. А?.. — сказала Нина Азолина. — А то совсем забудем.

— Действительно. Как же мы сегодня разойдёмся без песни. — Фруза посмотрела на Маркиямова. — Разрешите им. Ещё пять минут побудьте с нами, Борис Кириллович.

— Хорошо. Но не более пяти, — согласился Маркиямов.

Фруза окинула ребят взглядом. Кивнула одному из братьев Езовитовых:

— А ну-ка, Илья, бери балалайку. Давай песню. Но только негромко.

Илья ударил по струнам и, подмигивая Нине Давыдовой, весело и озорно пропел:

С неба бомбочка упала
Прямо Гитлеру в сапог.
Гитлер дрыгал, дрыгал, дрыгал
Никак выдрыгнуть не мог.

Ребята засмеялись. Фруза замахала на Илью рукой:

— Ну его к чёрту, этого Гитлера. Давай лучше какую-нибудь нашу, военную.

Илья склонился над балалайкой, Нина Азолина подсела к нему с гитарой, музыканты переглянулись, парень тряхнул чубом, и они вместе слаженно ударили по струнам. Звенящие дробные звуки наполнили горницу, и тут же зазвучал проникновенный задумчивый голос Нины Азолиной:

По военной дороге
Шёл в борьбе и тревоге…

Чуть басовитый голос Ильи вторил Нине:

Боевой восемнадцатый год.

Один за одним, прислушиваясь к звукам гитары и балалайки,

ребята тихо и взволнованно подпевали им:

Были сборы недолги:
От Кубани до Волги
Мы коней поднимали в поход.

* * *

Следователь на последних допросах спрашивал односложно. Девочка упрямо отвечала одними отрицательными ответами,

— Какие сведения передавались партизанам?
— Я ничего не знаю об этом.
— Чем интересовались партизаны?
— Не слышала. Не знаю.
— Как часто пересылались данные партизанам?
— Не знаю ничего.
— Кто выдавал поручения связным?
— Я не знаю ни о каких связных.
— Кто приходил на встречу со связным?
— Не знаю.
— Где происходила встреча со связными?
— Не знаю ничего.
— Кто был связным в подпольной организации?
— Я никогда ничего не слышала об этом и не знаю.

17. ВСТРЕЧА У МАЯКА

Федя Слышанков по заданию Фрузы спешил на встречу со связным из партизанского отряда к «маяку», который находился в трёх километрах от деревни Ушалы на поляне, окружённой густым смешанным лесом. Маяком называли тригонометрическую вышку. Времени у Феди было в обрез, и он шагал быстро. Лямки вещмешка оттягивали три тяжёлые коробки с патронами. Темнело. Лес был старый, густой, замшелый. Часто тропа петляла по сырым и топким местам, поросшим осокой. Тут и там попадались молодые густые заросли ивняка, и Феде большую часть пути приходилось идти, пригнувшись и вытянув руки вперёд, отстраняя ветки. Дорогу он знал хорошо, много раз ходил здесь и потому не боялся сбиться с пути и заблудиться.

К маяку Федя пришёл вовремя. На краю поляны он остановился, перевёл дыхание и, подражая сойке, тихонько свистнул. С противоположной стороны поляны откликнулась другая птица — это Николай Зеньков ответил на условный сигнал. Он вынырнул из кустов и пошёл навстречу Феде. Остановились у маяка. За спиной у Николая тускло поблёскивал немецкий трофейный автомат.

— Что нового? — спросил Николай, протягивая руку.

— От Фрузы привет.

— И только?

— Не совсем, — ответил Федя, снимая с плеч вещмешок и присаживаясь на нижнюю обвязку вышки, — Патроны вот вам принёс для немецких винтовок. Ребята насобирали.

— Спасибо. Кстати. А мы вам вот мин заготовили. Передай Фрузе. У неё есть задание.

— Ещё. — Федя заговорил шёпотом, — сестра твоя приказала передать, что на станции Оболь и в Шумилине стоят четыре немецких эшелона с танками и снарядами. Двигаются на фронт из Прибалтики. Дорогу наши ребята подорвали. Составы пока на приколе. Но фрицы не сегодня-завтра могут восстановить полотно — и эшелоны улизнут. А упускать их нельзя, Так и передай вашим. Может, они, что придумают,

— Добро, Федя, передам. С такими данными мне веселей обратно идти будет.

Николай встал, закинул за плечи вещмешок, спросил:

— Кстати, у тебя закурить не найдётся?

Федя сунул руку в карман, вытащил горсть самосада.

— На вот, держи всё. У меня дома ещё есть. Только ты смотри, матери моей не проболтайся.

— Влетит?

— Задаст. Ещё как. Я вообще-то не курю, балуюсь.

— Зачем же тогда табак таскаешь?

— Да так просто.

— Для солидности, значит, — Николай усмехнулся. — Понятно.

— И ничего тебе не понятно, — обиделся Федя.

— Будет дуться, ёршик, — Николай поерошил белокурую Федину голову, — С характером ты, парень,

Сдерживай свой огонёк. В вашем деле он ни к чему. И как тебя только в организацию приняли. Не знаю.

— Да если бы меня не приняли, я сам бы с немцами…

— Чего?

— Нашёл бы чего… Поджёг бы чего-нибудь или ещё что, пострашнее придумал.

— Этого тебе ещё не хватало. Ты у меня смотри, Федька. Сдерживай себя. Не забывай про дисциплину.

— Я всегда про неё помню. Что я, маленький, что ли? — ответил недовольно Федя.

— То-то же…

Николай, прикрывая огонь ладонями, прикурил и спрятал цигарку в широкий рукав.

Федя глядел на Николая и всё порывался спросить его что-то. Долго не решался. Потом осмелел, осторожно вымолвил.

— Коль, а Коль?

— Чего тебе?

Дай автомат подержать.

Николай улыбнулся и, сняв автомат с плеча, повесил его на шею Феде.

— На, подержи.

Федя вцепился одной рукой в рожок с патронами, другой в рукоятку автомата. Погладил воронёный ствол, и лицо его, курносое и веснушчатое, расплылось в улыбке.

— Нравится? — спросил Николай.

— Ещё бы, — отозвался Федя. — Вот бы мне такой.

— Зачем?

— Фрицев шлёпать.

— Опять за своё. Да пойми ты, бедовая голова, ваше дело другое.

— Я понимаю, — сникнув, ответил Федя. — Но мне хотелось бы и…

— Что? Пострелять?

— Ага.

— Терпи. Каждый солдат должен выполнять обязанности на

своём месте.

— Счастливый ты, Николай, — возвращая автомат, проговорил Федя.

— Чем?

— В бою тебе приходится бывать.

— Ну, это ты загнул, — гася цигарку, ответил Николай. — Про такое счастье бабушка надвое сказала… Там, брат, стреляют.

— Я знаю, — возразил Федя, — Только бы я не испугался.

— Понятно. Вообще-то, там некогда пугаться. Работать надо. В бою или ты врага, или он тебя. Вот так-то. Ну хватит разводить бодягу. Пора мне. Будь здоров, Федя.

Они разошлись. Николай скрылся в тёмном густом осиннике, а Федя подался назад в деревню по старой тропке, которая и привела его к маяку.

В партизанский отряд Николай вернулся под утро уставший: половину пути ему пришлось пробираться через болото. Он сразу сообщил данные, полученные через связного от Фрузы.

Не теряя ни минуты, Маркиямов тут же пошёл в землянку, в которой размещался партизанский штаб. Там находился командир отряда.

Маркиямов доложил о сведениях, доставленных связным.

— Говоришь, с танками? — переспросил командир, — И дорогу им перекрыли? Отличные данные. Молодцы хлопцы.

Командир прошёлся по землянке, потом достал из планшета карту, раскинул на столе, склонился над ней и спросил Маркиямова:

— Что думаешь об этом?

— Дело трудное. Нам своими силами их не взять. Придётся доложить по рации.

— Добро, — согласился командир. — Надо сказать радисту, чтобы передал данные в Центр.

В то же утро радист партизанского отряда развернул рацию и вышел на связь с Москвой.

Коротко была составлена шифровка о скоплении воинских эшелонов с танками и снарядами. Центральный штаб партизанского движения принял радиограмму и поблагодарил за ценные данные.

А на следующую ночь над Обольской и Шумилинской станциями появились советские самолёты. Выбросив над железной дорогой осветительные ракеты на парашютах, бомбардировщики нанесли удар по эшелонам гитлеровцев. Всю ночь пылали вагоны и танки, до самого рассвета рвались снаряды. Пути были разбиты и завалены вражеской техникой так, что движение на этой железнодорожной магистрали надолго

приостановилось.

18. СЁСТРЫ

Лишь только забрезжил неуютный зябкий рассвет, немцы забегали по посёлку и ближним деревням. Оки барабанили в окна, врывались в дома, заставляли людей спешно одеваться и выгоняли на улицу всех: и детей, и стариков со старухами, и женщин. Никого не оставляли дома. Немцы бесцеремонно толкали людей в спины прикладами, теснили кинжальными штыками и раздражённо орали:

— Шнель! Шнель!

Всех жителей немцы согнали на открытый пустырь перед длинным и невысоким сараем. Когда-то в нём хранили кое-какой инвентарь. Люди в страхе жались друг к другу, не понимая, в чём дело, спрашивали рядом стоящих:

— Зачем пригнали?

— А шут их знает?

— Затеяли что-то.

— Неужто погибель?

— Сохрани, господи.

В стороне от толпы, возле угла сарая, рядом с гауптманом Криванеком, щупленьким немцем, стоял, заложив руки за спину, Экерт.

Широкая белая повязка с чёрными буквами «ОД» туго перетягивала левый рукав его выше локтя. Он был хмур, недоволен чем-то. Чуть поодаль от них, ближе к солдатскому оцеплению, которое сдерживало толпу, прохаживался молчаливый и злой начальник обольского гарнизона майор Друлинг. В начищенных сапогах, с твёрдым раструбом голенищ, он ходил взад и вперёд перед толпой, оставляя на ослепительном белом снегу глубокие чёткие следы, которые быстро заполнялись мутно-жёлтой талой водой.

Когда людей загнали за оцепление, гауптман Криванек подошёл к Друлингу, козырнув, доложил, что приказ господина майора выполнен — жители собраны.

Майор небрежно козырнул в ответ Криванеку и коротко приказал:

— Выполняйте акцию.

Криванек окликнул из строя солдата, тот подскочил, вытянулся струнко, выслушал приказание и побежал в посёлок.

Люди в кольце зашумели.

Друлинг прошёл к сараю, повернулся к толпе, заложил руки под кожаный ремень, широко расставил ноги и, вскинув вверх подбородок, выкрикнул в толпу:

— Тихо! Приказываю молчать! Сейчас мы будем карать преступников, которые вели акцию против германской армии. Всех, кто будет содействовать партизанам, мы будем вешать или расстреливать.

Антонина Антоновна, она стояла у края оцепления, напротив Друлинга, охнула от поразившей её мысли и высохшими пальцами сдавила рот. Ледяной змеёй скользнула в голову страшная мысль. Старая женщина обмерла враз, застыла на месте.

Кто-то крикнул в толпе:

— Ведут!

Люди обернулись и увидели, как от комендатуры, с бугра, неторопливым размеренным шагом движутся к сараю две чёрные цепочки солдат с автоматами.

В середине конвоя, с трудом передвигая ноги, брели избитые девушки, сёстры Лузгины — Мария и Тоня. Платья их, изодранные, забрызганные кровью, плескались на весеннем ветру. Сёстры шли, крепко обнявшись, поддерживая друг друга. Посиневшие губы их были сжаты, а в глазах, чистых, как весеннее белорусское небо, застыл злой непокорный блеск.

Их подвели к сараю, поставили лицом к толпе. Десять метров всего отделяло Марию и Тоню от близких и родных, от знакомых и боевых товарищей по подполью. В десяти метрах стояла мать, не зная, чем помочь, как защитить дочерей.

Гауптман Криванек бегал перед оцеплением, выстраивал конвойных солдат.

— Доченьки мои, — причитала мать. — За что они вас? Меня лучше убейте, ироды!

Губы Тони вздрагивали и шептали:

— Не плачьте, мама. Не надо!

Увидев, что немцы передёрнули затворы, Мария резко подалась вперёд и громко выкрикнула:

— Будьте вы прокляты, убийцы! Будь проклят фашизм! Вас уничтожат! Ваши могилы сотрут!

— Прощайте, товарищи! Отомстите!

По толпе прокатился ропот.

Нервы Друлинга не выдержали, он рванул из кобуры парабеллум и, злобно крикнув:

— Фойер! — выстрелил. Следом раздался залп — щепки брызнули от стены, а внутри сарая прокатилось гулкое эхо, повторив чуть запоздало треск выстрелов.

Мария и Тоня вздрогнули, покачнулись и упали на белый холодный снег, лицом вперёд.

Безумно и дико вскрикнула в толпе мать:

— Доченьки! — и, как былинка, подрезанная косой, рухнула под ноги людям.

Крепко сжав кулаки, Фруза стояла рядом с Зиной в самой гуще толпы и чуть слышно шептала дрожащими губами:

— Сестрички мои, мы отомстим за вас! Отомстим! — а по лицу её, побелевшему как снег, текли крупные слёзы.

Зина крепко прижимала к себе головку испуганной сестрёнки Гали. Она застывшим взором глядела на то место, где только что стояли Мария и Тоня и исступлённо твердила, глотая слёзы:

— Не прощу! Никогда не прощу! Не забуду!

Сёстры Лузгины лежали на снегу около сарая.

Криванек лично распорядился на время оставить убитых на месте для устрашения и приказал под страхом смерти никого не подпускать близко.

Антонина Антоновна за эти дни совсем состарилась, волосы её побелели, ходила она сгорбившись, не замечая никого и ничего вокруг. Все слёзы, которые были, она давно выплакала и теперь безмолвно надрывала себе душу, ежедневно приходя к тому месту, где лежали дочери.

Наконец часового от сарая сняли и Экерт передал распоряжение майора Друлинга убрать трупы.

Марию и Тоню захоронили на взгорке, на поселковом погосте, под высокими вязами и тополями.

Односельчане проводили сестёр в их последний путь сурово и молча. Не кричали, не причитали женщины и подруги. Даже мать шла на кладбище, не застонав, не вскрикнув ни разу и не проронив ни единой слезинки.

Прежде чем спустить два гроба в могилу, боевые подруги и товарищи усыпали сестёр ранними весенними цветами, попрощались и молча поклялись мстить врагу беспощадно.

Двое полицаев стояли в стороне от вырытой могилы к пристально наблюдали за похоронами. Люди не подавали вида, не замечали этих двух притаившихся за деревьями. А когда стали расходиться, Антонину Антоновну, которая обессилела совсем и не могла оторваться от холмика сырой земли, подняли и увели домой под руки Надежда и Мария Дементьевы.

Трое суток старая женщина не выходила на улицу, ничего не пила и не ела, ни разу не прилегла, не сомкнула глаз. Она молча сидела в углу под божницей, скрестив сухие руки на столе, покрытом белой простынёй.

На четвёртые сутки, под ночь, она оторвала от сарая старые доски, заколотила окна и дверь избы, взяла узелок и ушла в Шашенский лес к партизанам. Как она нашла их, никто не знал, видно, сердце само отыскало дорогу.

В отряде её никто не спрашивал, зачем она пришла, Командир приказал отвести ей место в землянке к наказал людям не беспокоить ничем. Но она сама на другой день, как появилась в лагере, пошла помогать повару стряпать и целый день не отходила от костра, а к вечеру появилась в командирской землянке, вынула вчетверо сложенный листок и молча положила его на стол перед командиром. Командир встал, развернул листок и подошёл к Маркиямову. Оба они молча читали неровные буквы. На листке было написано:

«Заявление.

Командиру и комиссару партизанского отряда. Прошу записать меня во Всесоюзную партию большевиков и выдать винтовку.

Лузгана Антонина Антоновна».

* * *

— Ты была в деревнях Мостищи, Ушалы?

В старом замшелом лесу, окружённом топями болот, расположился партизанский отряд. В самом центре лагеря, у края небольшой поляны, под невысоким холмом, замаскированным старательно дёрном, находилась землянка командира отряда. Крутой, в несколько земляных ступеней спуск вниз — и сразу небольшая тесовая дверь, завешенная снаружи защитной плащ-палаткой. Дверь неприметна. Да и саму землянку сразу не заметишь, хоть стой в трёх шагах от неё — настолько искусно замаскирована она партизанами. Только часовой с красной лентой на кубанке, телогрейке, туго перепоясанной ремнём, в латаных сапогах, спокойно и мерно прохаживался около входа.

Николай Зеньков подошёл вместе с сестрой к часовому. Партизан хорошо запомнил лицо Фрузы и теперь сразу узнал её, но когда она подходила с братом к землянке, он предупредительно загородил дорогу, властным голосом спросил:

— Пароль?

— Курок, — ответил Николай.

— Проходи.

Фруза спустилась вниз, в землянку, а Николай ушёл в лес.

В просторной штабной землянке, с толстыми бревенчатыми стенами и таким же накатом, у командира партизанской бригады проходило совещание, на котором присутствовали командир отряда Сакамаркин, комиссар Маркиямов, начальник штаба Пузиков и секретарь Сиротинского подпольного райкома партии Антон Владимирович Сипко.

Они сидели за тесовым столом. На нём лежала карта района, стоял большой помятый с боков и закопчённый на костре чайник, а около — керосиновая семилинейная лампа с отколотым сверху стеклом.

Мужчины, время от времени попивая из алюминиевых кружек горячий кипяток, заваренный мятой, спокойно и негромко разговаривали между собой.

Фруза прикрыла дверь, остановилась при входе и, глядя на Сакамаркина, по-военному отрапортовала:

— Разрешите войти, товарищ командир?

— Входи, Фруза.

Бородатый мужчина лет сорока встал из-за стола, прошёл навстречу девушке, подал руку:

— Здравствуй, Зенькова.

— Здравия желаю, — ответила Фруза и чуть поморщилась. — Ой!

— Ты что? — спросил Сакамаркин.

— Руку больно.

— Извини. Неужто так сильно сжал?

— Очень.

Сакамаркин засмеялся и взглянул на Сипко:

— Вот видишь, Антон Владимирович, какие у меня солдаты. Им даже руку толком пожать нельзя.

Потирая высокий, крутой лоб, Сипко улыбнулся.

— Огрубел ты в лесу. Уж и забыл, как девушке руку жмут. Отяжелела у тебя рука.

— Точно. Немец отучил,

Сипко подвинулся, освобождая рядом с собой место на скамейке, кивнул девушке.

— Присаживайся, Фруза.

Она села, положила руки на стол и сжала ладони. Ещё войдя в землянку, она поняла по присутствию Сипко, что разговор будет серьёзным, и поэтому немного волновалась.

Налив из чайника в кружку душистого кипятку, Сипко сказал Фрузе:

— Отведай-ка нашего партизанского чая.

— Спасибо, — принимая кружку, кивнула Фруза и отхлебнула глоток.

Закуривая, Сакамаркин проговорил, обращаясь к Фрузе:

— Вот Антон Владимирович Сипко интересуется вашими ребятами, Фруза. Расскажи-ка, вожак, о работе своих «юных мстителей».

Фруза неторопливо стала докладывать командованию о деятельности подпольной комсомольской организации,

руководимой ею. Старательно припоминая задания партизанского командования, она скупо и сжато рассказала об их выполнении, ни словом не обмолвилась о тех трудностях и опасностях, с которыми почти всегда были они связаны. Говорить о деталях и мелочах было излишним: она догадывалась, что секретарь райкома прибыл в отряд не только из-за неё, а времени у командования отряда мало, да ей и самой ещё предстояло вернуться в Оболь, и сделать это она должна была засветло, до наступления комендантского часа.

Комиссар отряда Маркиямов, явно недовольный её кратким изложением, слегка нахмурившись, сказал:

— Скромничает Зенькова, товарищ секретарь. К её словам надо добавить следующее: все задания командования, все без исключения, были выполнены. Об этом лучше всего говорят сами дела «юных мстителей». Я хочу дополнить рассказ Фрузы. Комсомольцы взорвали четыре вражеские автомашины. Вывели из строя многожильный провод. А сделали это братья Езовитовы, Евгений и Владимир. Николай Алексеев подложил мины и поднял на воздух эшелон с авиабомбами и цистернами с горючим. Следует упомянуть и о другой дерзкой операции: они уничтожили электростанцию, которая обеспечивала током три вражеских гарнизона. Кроме того, вывели из строя, тоже взрывом, механический агрегат на торфозаводе и локомобиль на кирпичном заводе. Организовали круглосуточное наблюдение за проходом эшелонов по железной дороге. Снабжают наш отряд ценными сведениями о противнике. К этому следует добавить, что «юные мстители» передали в наш лесной «склад» семь винтовок, девятнадцать гранат, два клинка, три ящика с патронами и один пулемёт. Не перечесть и мелких диверсий, которые совершили юные подпольщики. Самым ценным в их деятельности я считаю разведку. Ещё раз хочу подчеркнуть, что мы систематически получаем от Обольской подпольной группы через связных ценные разведданные о противнике. Ко всему сказанному добавлю и то, что комендант Обольского гарнизона майор Друлинг, гауптман Криванек и другие офицеры сняты с занимаемых должностей и отправлены на фронт. В этом заслуга «юных мстителей».

Внимательно выслушав Маркиямова, Сипко обратился к Фрузе:

— Что нового у немцев в гарнизоне?

Фруза рассказала о положении в Оболи и о немецком гарнизоне и тут же упомянула, что прибыли дополнительные подразделения пятого егерского полка, которые, по слухам, должны будут предпринять большую карательную экспедицию

против партизан в самое ближайшее время.

— Слухи верные? — поинтересовался Сипко.

— Да, — ответила Фруза.

— Откуда данные о предстоящей экспедиции?

— От Азолиной Нины. Она случайно услышала об этом в комендатуре.

— Этим вопросом, комбриг, тебе придётся специально заняться со своим штабом.

— Чую. Придётся. — Сакамаркин на миг задумался и вопросительно взглянул на начальника штаба.

Пузиков сразу понял обращённый на него многозначительный взгляд командира и, обращаясь к Зеньковой, сказал:

— Пусть наши ребята, Фруза, разведают, чем вооружён этот пятый егерский и старательно подсчитают, сколько их.

— Хорошо, — ответила Фруза. — Я дам задание сразу же, как вернусь.

— Ну, а ещё есть что-нибудь любопытное в вашей Оболи? — спросил Сипко.

— Немцы вновь восстановили железную дорогу. По ней опять пошли воинские эшелоны в сторону фронта.

— Так, так. Говоришь, опять пошли эшелоны? — Сипко потёр пальцами лоб. — Расскажи-ка поподробнее сю охране дороги.

Старательно припоминая всё, казалось бы, даже самые незначительные мелочи, Фруза рассказала о том, как охраняется дорога, чем вооружены часовые и когда производится смена постов.

Слушая Фрузу, Сипко сидел, облокотясь о стол, и потирал пальцами покрасневшие веки. По всему было видно, что он мучительно думал об этой дорого,

— Спешат, — взглянув на Фрузу, сказал Сипко. — Быстро они её снова в дело пустили. Торопятся перегнать на фронт технику. Сколько они ремонтировали дорогу?

— Почти месяц возились.

— Как же это они умудрились? Ведь там такое накорежила наша авиация, сам чёрт ногу сломил бы.

— А они сумели, — Фруза отхлебнула несколько глотков остывшего чая и снова стала рассказывать. — На другой день, после налёта нашей авиации, они сразу стали восстанавливать дорогу. Согнали жителей из окрестных деревень и почти целый месяц днём и ночью вели работы. Тракторами и тягачами выволакивали с путей опрокинутые танки и вагоны. Засыпали воронки от бомб гравием и песком. Заменили шпалы и перекорёженные рельсы новыми, а потом, когда путь

восстановили, они оцепили полотно железной дороги с двух сторон колючей проволокой, понатыкали мин, поставили усиленную охрану из полицаев и немцев. Охрана круглые сутки бродит вдоль полотна железной дороги.

— Значит, круглые сутки? — переспросил Сипко.

— Да, — ответила Фруза. — И большая часть эшелонов идёт на восток, в сторону фронта.

— Ясно, — Сипко опять потёр пальцами глаза. — Дорогу нам нельзя выпускать из вида. Надо во что бы то ни стало приостановить движение. Кстати, а где паровозы заправляются водой? — всё время о чём-то думая, поинтересовался Сипко.

— У нас в Оболи, — ответила Фруза.

— Так.

Сипко встал, прошёлся по землянке, обдумывая что-то, потом опять сел и спросил комбрига, начальника штаба и комиссара:

— Как думаете действовать?

Сакамаркин разгладил карту на столе, внимательно взглянул на чёрную линию, обозначающую железную дорогу, которая соединяла Витебск и Полоцк, не спеша закурил и, указывая на два участка в зелёном массиве лесов, сказал:

— Я думаю, мои минёры-подрывники смогут вывести дорогу из строя в стороне от Оболи, вот в этих местах. — Сакамаркин ткнул пальцем в карту. — Вот здесь и здесь: на перегоне к Витебску.

— Хорошо, — согласился Сипко и тут же возразил. — Твои подрывники взорвут дорогу, а немцы через неделю опять её восстановят. Этого мало. По-моему, надо оставить паровозы без воды. Вот тогда, я думаю, у них надолго приостановится движение.

— Мои хлопцы смогут взорвать водокачку, — сказал Сакамаркин.

— Нет, — возразил Сипко. — Твои там без боя не обойдутся. Водокачка охраняется. Лучше это сделать без шума. Я думаю, — Сипко взглянул на Фрузу. — Эту операцию должны провернуть её ребята. Сумеете выполнить?

Фруза задумалась:

— Дело сложное. Надо всё взвесить.

— Верно, — согласился Сипко. — Очень сложное дело. Его надо хорошенько обмозговать.

Они долго сидели ещё за столом, обсуждая план операции, и пришли к окончательному решению, что выполнить его сможет Азолина Нина, которая, как вспомнила Фруза, ходит на станцию и изредка по делам службы ей приходится бывать около водокачки,

— Добро, — сказал Сипко. — На этом варианте надо остановиться. Смогут, комбриг, твои минёры смастерить компактную мину, но с большей ударной силой?

— Сделают, они у меня по этой части академики.

— Пусть зальют снаружи мину пчелиным воском и мелким антрацитом закамуфлируют её под брикет каменного угля. Но чтобы брикет мог войти в дамскую сумочку. Ясно?

— Понятно, — Сакамаркин улыбнулся.

— Когда думаешь сделать?

— Завтра смастерят, к отправке связного.

— Добро, — Сипко повернулся к Фрузе. — Мину передашь Азолиной, и пусть она подбросит её в каменный уголь как можно скорее и поближе к башне.

На другой день, под вечер, Фруза вышла из дома и направилась к Азолиной Нине. Она несла бидон, в котором на дне лежали завёрнутые в клеёнку мины. В деревне Зуи её неожиданно остановили два пьяных полицая. Потянулись к бидону, решив, что там самогон. Фруза отступила в сторону, но полицаи подскочили к ней и хотели вырвать бидон из рук… На крыльце ближнего дома стоял гитлеровский офицер, Фруза позвала его. Офицер сошёл с крыльца. Оглядел Фрузу, прищурился на бидон.

— Что там? — спросил он.

— Пан офицер, я несу на кухню вашим солдатам молоко. А эти двое хотят отнять.

Офицер взял из рук Фрузы бидон, приподнял крышку. Бидон до краёв был наполнен молоком.

— Молоко. Гут. Неси, — сказал офицер, а на полицаев недовольно крикнул:

— Пошёл вон, швайн!

Линия железной дороги проходила по самому краю посёлка Оболь. За переездом начиналось поле и совсем недалеко протекала неширокая чистая река. Видно было на дне всё: и облизанные быстрым течением камни, и изумрудные водоросли, и юркие стайки рыбёшек.,

Здесь и договорилась Зина встретиться с Фрузой. Она захватила с собой удочки и пришла на условленное место. Выбрав тихий песчаный откос около камышей, Зина разделась и вошла в реку.

Был полдень, светило солнце. Но вода в реке была холодной. Зина окунулась с головой, потом чуть переждала и глубоко нырнула. Она плыла под водой и в уме отсчитывала секунды.

Сосчитав до семидесяти семи, она быстро направила вверх своё гибкое тело, вынырнула, легла на спину и поплыла к берегу.

Из воды она вышла только тогда, когда заметила вдалеке идущую по берегу Фрузу. Зина надела платье, обулась. Подошла Фруза и присела рядом.

— И была тебе охота в холодной коде купаться.

— Да она совсем нехолодная, — возразила Зина. — Это только на берегу свежо, а в воде тепло — прелесть.

— Куда там, прелесть, — сосредоточенно думая о чём-то другом, возразила Фруза и добавила: — Ну разматывай, что ли, удочки.

Они сели в тяжёлую просмолённую плоскодонку, отчалили от берега. Лодка шла к чистому затону.

За посёлком протяжно и нервно просвистел паровоз. Шум и грохот приближающегося поезда нарастал с каждой минутой. Уже отчётливо слышалось частое и усталое дыхание паровоза. Он тянул состав на подъём. А ещё через минуту Зина и Фруза увидели, как из-за леса, деловито постукивая колёсами, выскочил, паровоз, а следом пошли мелькать товарные вагоны, еплошь увешанные ветками берёз и елей.

— Замаскированный, — сказала Зина.

— А ты как думала… Они не дураки. — Усмехнулась Фруза, и зеленовато-серые глаза её вспыхнули.

Состав скрылся за переездом. И вдруг оглушительный взрыв колыхнул воздух. Столб огня и дыма взметнулся высоко вверх, потом медленно осел и чёрным облаком стал расползаться во все стороны.

— Сработала!.. — вне себя от радости воскликнула Фруза. — Молодцы ребята!

Около лодки плеснулась вода. Зина взглянула вниз — по правому борту прострунилась леска.

— Фруза, смотри… Поймали. Тяни скорей!

Рыба металась из стороны в сторону, но Фруза спокойно подтянула её к борту, а затем быстрым, ловким движением перекинула в лодку.

— На сегодня хватит, — сказала она, сматывая леску. — Греби к берегу.

Прощаясь, она передала Зине металлическую банку, завёрнутую в бумагу, и предупредила:

— Аккуратно только. С собой возьми половину. Хватит и полбанки. Поможет тебе тётя Ира. Я с ней говорила. И главное, запомни: очень сильное отравляющее вещество.

— Откуда это?

— Из леса. Кстати, запомни, если случится что, забирай

сестрёнку и уходи в лес, к Маркиямову. До Маяка тебя сможет проводить Федя Слышанков. А там уйдёшь со связным из отряда. А так не волнуйся. И будь очень осторожна с банкой. Как придёшь домой, сразу же спрячь понадёжнее. Поняла?

— Да.

20. ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

Офицерская столовая открывалась на завтрак в девять часов утра. Обслуживающий персонал — официантки, повара, посудомойки — приходил намного раньше. В тот день Зина пришла на работу в столовую, как всегда, вовремя. Шеф-повар Ешке уже был на кухне. Она прошла в посудомойку, спрятала сумку, в которой лежал пакет с порошком, в нижний угол шкафа с посудой, прикрыла тряпками. Прошла к мойке, засучила рукава, налила воды в титан и разожгла его. Когда вода вскипела, принялась мыть посуду. Время от времени Зина отвлекалась от своей работы и осторожно поглядывала через раскрытую дверь в кухню, на Ешке — он раскладызал продукты.

Внешне Зина была спокойна, но внутренне она чувствовала себя напряжённо. Она всё время думала о выполнении порученного задания.

Наблюдая исподтишка за Ешке, она запоминала каждый его шаг и каждое движение, ловила момент, когда он отходит от плиты на длительное время. Однако тот почти не отходил от плиты. Молчаливый, замкнутый и всегда злой, он крутился вокруг кастрюль и сковородок, проворно орудуя то ложкой, то ножом, то большим черпаком.

Завтрак прошёл быстро. У Зины было много дел, и она едва успевала справляться. Кроме посуды, ей пришлось выносить помои, ходить за дровами, скоблить столы б кухне и протирать пол. Осуществить задуманное не было никакой возможности.

После завтрака, когда тётя Ира принесла грязную посуду, Зина кивком головы намекнула ей о своей неудаче. Тётя Ира тихо шепнула в ответ:

— Ты, главное, не волнуйся. Попробуй в обед.

— Рискну, — ответила Зина.

Предобеденное время тянулось долго. Зина, как всегда, до заливки котлов водой старательно, чтобы не придирался Ешке, промыла их и насухо протёрла. Вскипятила воду и вновь вернулась в посудомойку: ей ещё надо было вымыть кастрюли, сковородки, ножи, вилки и ложки. Раза два шеф-повар посылал её за дровами. Она принесла несколько охапок и подложила в топку. Потом перекусила и снова стала мыть посуду. До самого обеда у неё не было свободной минуты.

Начался обед. Зал заполнили офицеры, прибывшие с фронта на переподготовку в Оболь.

Тётя Ира разносила на подносе первое, изредка поглядывая на Зину. По растерянному и печальному виду девочки она

понимала, что ей никак не удаётся вырваться на кухню — Ешке всё время торчал там.

Зина давно уже приготовила банку: она вынула её из шкафа и поставила под руку, у самого выхода на кухню, прикрыв кастрюлей. Но дальше этого дело никак не продвигалось.

Помог случай. Почти в самой середине обеда в зале вдруг раздался возмущённый голос одного из офицеров. С брезгливой миной на лице он недовольно тыкал вилкой в тарелку и озлобленно распекал тётю Иру. Она стояла около стола, недоуменно разводила руками, оправдывалась:

— Я ни в чём не виновата, герр официр. Обед готовлю не я. За качество блюд отвечает шеф-повар. Я только разношу обед.

— Позови повара! — офицер недовольно бросил вилку на стол.

Тётя Ира побежала к раздаче. Она сказала Ешке о недовольстве офицера обедом и передала приказание, чтобы тот срочно явился к нему.

Ешке вытер руки о полотенце и потрусил торопливо в зал.

Зина всё слышала, что происходило в это время в зале и около раздачи и, лишь только Ешке вышел, быстро схватила коробку, торопливо пошла к кухню, к плите. Она быстрым взглядом окинула обеденный зал и в один миг высыпала содержимое в котёл. Пустую коробку она тут же бросила в раскрытую топку. Все, кто сидел в зале в это время, смотрели на незадачливого повара, которого распекал офицер, недовольный обедом.

Зина, не мешкая, вернулась в посудомойку и, обессиленная, опустилась на ящик в углу. Ноги её обмякли, руки вздрагивали. Она долго не могла успокоиться.

Когда Ешке вернулся в кухню, она встала, взяла стопку чистой посуды и отнесла её на раздачу.

К окну подбежала тётя Ира и торопливо сказала:

— Скорей чистые ложки, вилки и ножи.

Зина подала ей приборы.

— Ну как?

— Всё отдала, — Зина моргнула глазами.

Тётя Ира поняла смысл Зининых слов и едва приметно ей улыбнулась:

— Молодец.

Обед кончился. Зал опустел. До конца работы оставалось часа три, не более. Зина делала всё теперь машинально, с большим трудом заставляя себя работать. Мысли её всё время крутились вокруг одного вопроса: подействует ли? Тётя Ира и Нина Давыдова прибрали зал и ушли домой.

А для Зины всё остальное время прошло точно в полусне. Сперва она услышала, как за окном заскрипели тормоза. В столовую вбежали три офицера и бросились на кухню, к Ешке. Они кричали, грозились, а Ешке в страхе дрожал весь и всё время вопил:

— Найн! Найн! Найн!

Один из офицеров оглядел все кастрюли на плите, понюхал большой котёл с супом. Взяв половник, он почерпнул самой гущи со дна и налил в тарелку. Увидев Зину в посудомойке, офицер громко позвал её:

— Медхен, ко мне, быстро.

Зина спокойно вышла из посудомойки в кухню. Немец, сосредоточенно глядя ей в лицо, подал тарелку с супом, вежливо сказал:

— Ессен, кушай, кляйне медхен.

Не дрогнув ни одним мускулом лица, Зина взяла тарелку и вежливо, так же как немец, ответила:

— Данке, герр официр.

— Ессен, ессен, — подсказал немец.

Зина взяла ложку, почерпнула суп и спокойно проглотила сначала одну ложку, потом другую и третью. Она хотела зачерпнуть ещё, но тут немец вдруг сильно ударил ладонью по тарелке, она полетела в сторону и шлёпнулась о стену — мокрые черепки и остатки супа брызнули на пол.

Зина сжала плечи, ожидая удара, но немец не ударил, а только злорадно засмеялся:

— Медхен капут.

Он выгнал её из кухни в посудомойку и вновь набросился на Ешке.

Отведя душу бранью, офицер приказал Ешке срочно следовать за ним. Ешке впопыхах сбросил с себя поварской колпак, белый халат и, даже не заперев шкаф с продуктами, поплёлся вслед за офицерами на выход.

Примерно через час Зина почувствовала острую режущую боль в желудке. Появилась головная боль, в висках сильно стучала кровь. Всё тело её ослабло. Лицо позеленело. Не дождавшись окончания работы, Зина поднялась с ящика и тихим шагом, с трудом передвигая ноги, пошла домой. Дорогой она всё время повторяла про себя: «Я должна дойти. Должна. Иначе я упаду».

И она шла, выбиваясь из последних сил, и чтоб не упасть, держалась ближе к плетням, полисадникам.

Ефросиния Ивановна была на дворе и увидела Зину, когда она, покачиваясь, прибрела к Калитке. Заметив что-то странное в

её лице, она заторопилась к ней. Отворив калитку, Ефросиния Ивановна подхватила Зину, отвела домой и уложила на кровать.

— Что с тобой? — спросила бабушка, положив ладонь на горячий и влажный лоб Зины. — Ты вся в огне, внучка.

— Отравление, бабушка, — с трудом вымолвила Зина.

Ефросиния Ивановна охнула в испуге, всплеснула руками. Потом быстро повернулась и выскочила на

улицу. У соседей она выпросила две кринки молока. Когда вернулась домой, то застала Зину в ещё более плохом состоянии. Девочка лежала на койке, сдавив руками живот, металась и скрипела стиснутыми зубами, чтобы не стонать: боль острая, режущая с каждой минутой всё нарастала. С большим трудом Ефросинии Ивановне удалось заставить Зину выпить сначала одну кружку молока, затем другую, третью. Зина пила молоко, и её всё время тошнило. Желудок горел огнём, и ей казалось, что у неё выворачиваются внутренности. Бабушка налила в большую бутылку горячей воды и положила ей на живот. Зине стало немного легче. А потом на ночь бабушка дала выпить Зине стакан отвара из трав — девочка пропотела и успокоилась. Ночь спала тревожным неспокойным сном. До самого утра бабушка не отходила от Зины, вытирала то и дело полотенцем бледное, осунувшееся лицо, меняла остывшую воду в бутылке и всё время шептала молитву, просила божью матерь уберечь её девочку от погибели.

Только когда настало утро, Зина открыла глаза и взглянула на бабушку:

— Отпустило, никак, оправилась, — сказала бабушка и облегчённо вздохнула.

— Если б не вы, — промолвила Зина, — наверное, конец бы мне пришёл. И как вы догадались с молоком-то?

— Ты уж помолчи, миленькая. Слаба ведь. Помолчи. Это не только молоко помогло. Отваром из трав я тебя отходила.

— А может, ещё и потому, — сказала Зина, — что там, в столовой, я не так уж много хлебнула. Чудом я, бабушка, уцелела.

— Помолчи, говорю тебе, — возразила бабушка. — Ещё неизвестно, как это ты, миленькая, на ноги встанешь.

21. В ПАРТИЗАНСКОМ ОТРЯДЕ

В тот вечер Зина долго не ложилась спать: она стирала бельё, своё и Галино, в большом цинковом корыте. Мыла в доме не было, и она пересыпала его золой из печки, как это делала последнее время бабушка. Галя тоже не спала, возилась на полу рядом и тожес стирала в тазике платьица куклы. В избе они были одни: бабушка ещё с вечера ушла к соседям и всё не возвращалась — засиделась, видно. Зина почти закончила стирку. Она слила в ведро тёмную от золы воду, прополоскала бельё и стала развешивать его около печки. В это время в окно кто-то громко постучал. Зина вздрогнула, прислушалась. Стук повторился ещё более настойчиво. Зина выбежала в сени открывать. Вернулась так же быстро — за ней следом в избу влетел Федя Слышанков, запыхавшийся и разгорячённый.

— Ефросиния Ивановна дома? — спросил он, едва переведя дух.

— Нет. Скоро вернётся. Что случилось?

— Немцы тётю Иру арестовали и Нину Давыдову.

— Не может быть, — отшатнулась Зина в испуге.

— Может, не может, а факт. Сам видел.

— За что их?

— Аль не догадываешься? Говорят, немецких офицеров в столовой много поотравили. Их подозревают. Вот за что. Я как увидел фрицевскую машину у дома Давыдовых, сразу недоброе почувствовал. Немцы и полицаи ворвались к ней в дом, шумели, кричали там, а потом выволокли тётю Нину на улицу, избитую всю, втолкнули в кузов и поехали за тётей Ирой. Она в это время работала. Её прямо из столовой и взяли. Когда их увезли, я побежал к Фрузе. Рассказал всё. А она мне: «Дуй, — говорит, — Федя, до Зины и прикажи, чтоб немедленно убегала в Шашенский лес к партизанам». Поняла? Так что собирайся живо. Приказ.

Зина застыла на месте от растерянности, не зная, что делать.

Федя закричал:

— Ты что стоишь? Одевайся! Быстро!

Он схватил с вешалки Зинино пальто, накинул ей на плечи.

Зина поспешно оделась, повязала платок, одела Галю, которая от испуга сжалась вдруг вся и не плакала, а только удивлёнными глазами поглядывала то на Федю, то на сестру. Зина вытащила из-под койки чемодан, достала чистую наволочку и покидала в неё кое-какое сменное бельё: чулки, платье и, схватив Галю за руку, не думая больше ни о чём, рванулась к выходу, Федя — следом. В дверях они столкнулись с Ефросинией

Ивановной. Лицо её было в слезах. Зина сразу поняла, что бабушка всё уже знает про арест тёти Иры и Нины Давыдовой.

— Погоди, внучка, — сдерживая слёзы, остановила бабушка Зину. — Сама иди, куда тебе приказано, а Галю оставь. Я её сама спрячу. Отведу сейчас в Черниченки к родственникам.

— А может, будет лучше, если я её с собой возьму?

— В лес? Ещё чего не хватало. Ступай одна. Да не теряй время. Беги.

Зина наклонилась, прижав к себе сестрёнку, поцеловала. Галя крепко уцепилась за шею сестры и ни за что не хотела отпускать её. Зина с трудом оторвала её от себя. Уже на улице, пробегая мимо окна, она услышала надрывный крик Гали:

— Зина-а-а!

Глотая слёзы, Зина выскочила за калитку на улицу и рванулась через шоссейную дорогу в сторону леса…

Зина уже более двух месяцев находилась в партизанском отряде. Наравне со взрослыми она терпеливо переносила все неудобства и трудности лесной жизни. Держалась она молодцом, хотя, так же как и другим партизанам, ей приходилось спать под открытым небом на сосновых и еловых ветках, мокнуть под дождём и нередко бывать под обстрелом. За короткое время она хорошо изучила трофейное оружие, научилась метко стрелять. Она несколько раз по заданию командования отряда ходила в разведку, участвовала в боях против оккупантов.

Один бой ей был особенно памятен. В конце сорок второго года, холодными ветренным утром, гитлеровцы предприняли большую карательную операцию против партизанского отряда. Они вторглись в Шащенский лес, пытались сомкнуть кольцо окружения, чтобы потом уничтожить партизан. Но осуществить этот план им не удалось. Болото, которое защищало подступы к партизанской стоянке, пройти каратели не смогли.

Тогда они с трёх сторон подожгли лес. На ветру огонь быстро охватил деревья, густой дым потянулся в сторону сухого острова, где находились партизаны. Блокированный с трёх сторон партизанский отряд несколько дней держал оборону. Гитлеровцы рвались к острову, хотели под прикрытием лесного пожара проникнуть к центру лагеря, но всякий раз их атака захлёбывалась. Каждый шаг к лагерю, каждый метр на болоте дорого стоил врагу.

Но пожар надвигался. Треск падавших деревьев, свист и шипение разбушевавшегося пламени слышались всё ближе и ближе. Сакамаркин отдал приказ срочно сниматься с места, через болото уходить на северо-запад, в глубину Казьянских лесов. Оставив небольшое прикрытие, партизанский отряд по

единственной и почти неприметной тропе благополучно вырвался из окружения. Заслон отбил атаки врага и в условленный час снялся с обороняемых позиций, и выскользнул под носом у карателей. Осенние сумерки, дым заволокли лес и прикрыли отход партизан.

Не обнаружив на базе ни одного партизана, каратели подорвали пустые землянки и ни с чем ушли с острова, не зная, как и куда мог ускользнуть отряд.

Выставив впереди и сзади охранение, партизанский отряд двинулся в глухие дебри Казьянских лесов, куда гитлеровцы не попытались и сунуться.

Зина шла в цепочке за Николаем Зеньковым, подоткнув полы пальто под ремень. За спиной она несла вещмешок, на плече — немецкий карабин. Впереди был долгий и неизвестный путь. В походе Зина замечала, как Зеньков Николай будто бы ненароком оглядывался и внимательно посматривал на неё: «Не устала ли?». Зина хмурилась, но не подавала вида. Иногда Николай, не оборачиваясь, говорил Зине:

— Главное, иди в ногу. Не сбавляй шаг.

Отряд долго пробирался сосновым бором. После снова началось болото. Зине хотелось жить. Во фляге у неё осталось немного воды, но она берегла последние капли.

Лесу, казалось, не будет конца и края. Идти становилось всё трудней и трудней. Мешали ветки кустарников, они то и дело хлестали по лицу и цеплялись за одежду. Но Зина упрямо шла вперёд, повторяла про себя: «Я должна идти! Должна!»

Неожиданно меж кустов открылся просвет, через который сверкнула полоса реки. Повеяло свежестью. Выйдя к реке, Зина впервые за этот день увидела командира отряда Сакамаркина. Он стоял у берега и наблюдал за переправой отряда. Неширокую реку партизаны переходили вброд. Когда Зина поравнялась с ним, Сакамаркин испытующе взглянул на неё и по осунувшемуся вспотевшему лицу понял, что девочке туго пришлось на марше.

— Как самочувствие? — спросил Сакамаркин.

— Нормально, — откликнулась Зина,

Сакамаркин улыбнулся:

— Держись, боец! Ну как, возьмём вон тот берег? — он указал на крутой берег на противоположной стороне реки.

— Возьмём, товарищ командир.

Держа над головой карабин, Зина перешла реку и, только стала взбираться на крутой откос, услышала беспорядочную стрельбу. Она поднялась на гребень, залегла и огляделась: партизаны цепью развернулись по песчаному откосу.

Стреляли немцы. Укрывшись в кювете дороги, которая

пролегала невдалеке от реки, они обстреливали берег, где залегли партизаны. Командир отряда, проводя короткую рекогносцировку с начальником штаба, приказал дать сигнал атаки.

Зелёная ракета с шипением взвилась в воздух, оставляя за собой серый дымный хвост. Партизаны разом поднялись на ноги, волной взлетели над песчаным берегом, широкой цепью двинулись в сторону дороги. Вздрогнул воздух от громкого «ура».

Зина бежала не чувствуя под собой ног. Кричала «ура», но в общем шуме атаки не слышала собственного голоса, только чувствовала, как сильно бьётся сердце. Перед глазами её качалось и неслось навстречу неровное рыхлое поле, свистели ветер и пули. Она бежала, не думая ни о чём, боясь отстать от цепи и стреляла в сторону дороги, где залегли немцы. Бой был коротким, быстрым, но Зина надолго запомнила его, потому что тогда она в первый раз участвовала в атаке. Почти все гитлеровцы остались в кювете или недалеко от дороги, в поле, и лишь некоторым из них удалось удрать.

Партизанский отряд пересёк дорогу и снова скрылся в лесу.

До февраля сорок третьего года, когда партизанский отряд действовал в районе Казьянских лесов, связь с обольской подпольной группой временно прервалась. Не одну боевую операцию провели партизаны против оккупантов, действуя дерзко и смело. Не один эшелон пустили под откос подрывники, много машин подорвали они на дорогах, сотни гитлеровских солдат нашли себе смерть на белорусской земле. А когда отряд весной вновь вернулся на прежнюю базу в Шашенский лес, то вновь восстановилась связь с «юными мстителями» и вновь стали поступать ценные сведения о противнике в партизанский штаб.

Гитлеровцам не было покоя ни днём ни ночью. Земля горела у них под ногами. Сунуться в лес они больше не пытались. А в Оболи, прибегнув к помощи провокатора, фашисты решили уничтожить подпольную группу, действующую внутри гарнизона.

Экерт прикрыл дверь, старательно зашторил окно.

— Теперь садись и выкладывай, — Он указал вошедшему Гречухину на стул. — Нашёл?

— Нашёл, господин начальник. Нашёл.

— Всех знаешь?

— Почти всех. На вечериночки они собирались. Первое время не доверяли. Видать, проверку делали. Потом в книжонку листовочку подложили.

— А может, случайно?

— Нет, скорее с умыслом. Когда стали доверять, наказали

размножить листовочку. Потом кое о чём сам догадался.

— Обольские, значит?

— Все местные,

Экерт взял карандаш:

— Диктуй.

— Зенькову Фрузу первой ставьте, — начал Гречухин.

— Ещё кого? — неторопливо спросил Экерт.

— Портнова Зина. Питерская девчонка, господин начальник. Внучка Яблоковой Ефросинии Ивановны. Приехала к бабке перед войной. Да вы её видели. Одно время в офицерской столовой работала вместе с тёткой. Тётку-то расстреляли, ка: с были отравлены офицеры. А эта сбежала недавно к партизанам. Пионерочка.

29 июня 1943 года немцы провели массовую облаву в Оболи и окрестных деревнях, в которых жили члены организации «Юные мстители».

Вместе с подпольщиками фашисты забрали мать и тётку Фрузы Зеньковой. Сама Фруза случайно избежала ареста. В тот день по заданию партизанского штаба она отправилась в Полоцк, чтобы передать мины железнодорожникам и достать соли, спичек. Когда на третий день Фруза вернулась назад, то узнала страшную весть об аресте Владимира и Евгения Езовитовых, Фёдора Слышанкова и Нины Азолиной, Николая Алексеева и Зои Софинчук, Марии и Николая Храбценко, Зины Лузгиной и Марии Ушаковой.

Аркадий Барбашов — он жил в деревне Ферма, и, видимо, немцы не имели на него доноса, — встретил Фрузу на дороге, когда она приехала из Полоцка, предупредил об опасности и рассказал об аресте товарищей…

— Тебе нужно срочно уходить в лес, — чуть заикаясь от волнения, проговорил Аркадий.

— Нет! — стиснув зубы, возразила Фруза. — Пока не выясню, как это произошло, кто предал, я не уйду отсюда.

— Но это безумие. Понимаешь, безумие! — пытался убедить её Аркадий. — Немцы и полицаи оцепили посёлок и все деревни вокруг. Рыщут повсюду в поисках «атаманши». Это они тебя так окрестили. Твой дом в Ушалах круглосуточно под наблюдением. Сунься туда — сцапают сразу.

И хотя Фруза была непреклонна в своём решении, однако проникнуть в Ушалы и Оболь, чтобы разузнать всё подробней, ей не удалось.

Немецкие пикеты были расставлены чуть ли не на каждом шагу. С тяжёлой болью в сердце, с горестной думой о

непоправимой утрате ушла она к партизанам.

Три месяца эсесовцы допрашивали и пытали комсомольцев-подпольщиков. Три месяца изо дня в день до потери сознания избивали палачи ребят и девчат. Особенно зверски они мучили и пытали Нину Азоли-ну, которая работала у них в комендатуре. Эсесовцы приходили в бешенство, лишь только Азолину приводили на допросы. Они не могли примириться с мыслью, что она так долго и тонко водила их за нос. Они пытались вырвать у неё признание, чем занималась она на самом деле, работая в комендатуре, какие сведения и документы она передавала партизанам. Пытая Нину, немцы сами удивлялись её твёрдости и стойкости.

Арестованных членов подпольной организации «Юные мстители», а вместе с ними мать и тётку Фрузы немцы вывезли тайком, ночью, во Вторую Боровуху под Полочном и там расстреляли.

5 октября 1943 года — ребят.

6 октября 1943 года — девчат.

* * *

— Ты была членом этой подпольной организации?

— Какой?

— Которая действовала в обольском гарнизоне. Что ты молчишь?

— Я ничего не знаю.

— Где ваша «атаманша» Зенькова Фруза?

— Я не знаю никакой Фрузы.

— Где базируются партизаны?

— Я никогда не видела их.

— Врёшь! Я заставлю тебя говорить, Портнова Зинаида!

Немец встал со стула, подошёл к двери и крикнул в коридор:

— Курт, Питер!

В бункер вбежали двое рослых солдат в чёрной форме. Немец следователь кивнул головой в сторону девочки и по-русски, скорее для неё, чем для солдат, крикнул:

— Помогите ей вспомнить! Скорей!

Один из солдат схватил девочку за руку и сбросил её на пол, другой принялся с озлоблением бить тяжёлой резиновой палкой. Бил до тех пор, пока она не потеряла сознание и не перестала вздрагивать от ударов.

Поняв, что девочка не способна не только говорить, но даже стонать, они волоком утащили её в камеру и бросили на

холодный бетонный пол. Целые сутки она не приходила в сознание, а на другой день, лишь только девочка очнулась, они снова увели на допрос.

22. Я ВЕРНУСЬ

В конце октября, когда в партизанском отряде стало известно, что в Оболи немцы арестовали большую группу «юных мстителей», Зина и ещё двое молодых партизан — Илья Езовитов и Мария Дементьева — отправились в посёлок на встречу со связной Лузгиной Верой. От неё они должны были узнать, кто из ребят остался в живых и наладить с ними связь, чтобы продолжать работу. Из партизанского лагеря они вышли после полуночи. Шли лесом всю ночь. Когда выбрались из болот и отыскали заглохшую дорогу, идти стало легче.

Илья Езовитов шёл первым, за ним — Мария Дементьева, замыкала группу Зина. На половине пути пересекли реку — холодную и быструю Западную Двину. В тёмном небе низко висели тяжёлые облака.

Оступясь в лужу и намочив ботинки, Зина сказала:

— Хорошо бы сейчас с фонарём пройти, как раньше до войны. Помните?

— Только этого нам не хватало, — недовольно отозвался Илья.

Мария Дементьева глубоко вздохнула:

— Конечно, помним. Сколько мы тогда по лесу бродили и днём и вечером с фонариком. И даже в эту вот глухомань забирались. Мы тогда часто поругивали Женю Езовитова за то, что он слишком далеко заводил нас. А теперь вот пригодилось. Идём ночью и спокойно. Дорогу-то как свои пять пальцев знаем.

— Верно, — согласилась Зина и задумчиво добавила: — Настанет ли опять время такое?

— Обязательно, — отозвался Илья.

— Скорей бы, — Зина вздохнула. — До чего же хочется по спокойной земле пройтись, по тихому мирному лесу…

— Ты часто думаешь об этом? — спросила Мария.

— Очень. Мне кажется, если придёт это время, я, наверное, всю ночь буду бродить по лесу, до самого утра, чтобы встретить рассвет, чтобы увидеть, как поднимается над лесом большое светлое солнце.

— Размечтались, — буркнул Илья. — А ну-ка прибавьте шагу. Светать начинает.

В лесу едва приметно светало. Когда они вышли к краю леса, неподалёку от деревни Мостищи, сделали привал. Почистили одежду. Перекусили. Илья забрался на высокое дерево и оглядел деревню, примыкавшее к ней поле, дорогу. Кругом было безлюдно. Только кое-где поднимался дым над крышами изб.

— Ну как? — спросила Мария, когда Илья слез с дерева.

— Вроде тихо. Никого не видать.

— Что будем делать?

— Надо идти, пока время удобное, — сказала Зина.

— Кто пойдёт? — спросил Илья.

— Я, — ответила Мария.

— Нет, тебе нельзя. Тебя же немцы и полицаи давно разыскивают.

— Тогда пойду я, — сказал Илья.

— И тебе тоже нельзя, — возразила Зина. — Ты что забыл, что про тебя слух распустили по всем дворам, будто ты утоп. Хорош будешь, новоявленный, как сцапают.

Зина задумалась на миг, взглянула в сторону поля и вдруг решительно сказала:

— Пойду я. Не возражайте. Так будет лучше. Меня же там почти никто не знает. И потом документ у меня на Марию Козлову. Не поддельный. Она улыбнулась. Кто придерётся?

— Ладно, — недовольно согласился Илья. — Только смотри вернись. Слышишь, обязательно вернись. Мы тут ждать станем.

— Будь очень осторожна, Зинок, — с тёплым участием сказала Мария.

— Не волнуйтесь, — Зина положила ей руку на плечо, моргнула многозначительно, улыбнулась, — Я обязательно вернусь к вам. Я не прощаюсь. Пока.

Зина вскинула за спину вязанку хвороста, который собрал ей Илья, вышла из леса и неторопливо пошла полем, в сторону деревни.

Илья и Мария, укрывшись в кустах, внимательно наблюдали за Зиной до тех пор, пока она не скрылась за первыми избами деревни Мостищи.

Около избы Веры Лузгиной её остановили два парня. Они вышли из проулка. На руках у них были белые повязки с двумя чёрными буквами «ОД», что означало — полиция.

«От этих не уйдёшь», — подумала Зина.

Она смело пошла навстречу им, стараясь не выдать волнения. Полицаи не спускали с неё глаз. Подошли вплотную. Она хотела обойти, но один из них преградил путь.

— Ты кто такая?

— Мария Козлова, — ответила Зина.

Полицаи оглядели худенькую фигурку девочки, точно прощупали.

— Документы, — потребовал остроносый.

Зина достала справку на имя Марии Козловой, отпечатанную на бланке немецкой комендатуры.

— Вроде не липа, — остроносый сдвинул на глаза шапку. — Ладно, пошли, проверим.

— Ещё чего не хватало? — попыталась возразить Зина.

— Но, но! Без трепотни. Коли жить не надоело, — сказал остроносый и толкнул Зину в спину.

Полицаи отвели Зину в посёлок Оболь и заперли в холодном кирпичном амбаре. В единственное маленькое вентиляционное отверстие, которое находилось под самым потолком, пробивался слабый пучок света.

Зина осмотрела стены, дверь, пол, потолок и убедилась, что выбраться из амбара нет никакой возможности.

Её продержали в амбаре весь день и ночь и за это время никто за ней не пришёл. Она сидела в углу, сжавшись в комочек, вздрагивала иногда от холода и постоянно думала, как убежать. Сон не шёл к ней. Она старалась успокоить себя мыслью, что всё обойдётся, что она сумеет убедить полицаев или немцев, что её арест просто какое-то недоразумение, но где-то подсознательно назойливая мысль всё время напоминала о том, что это провал и что ей не удастся ничего доказать. Она хотела представить, что за этим последует, и не могла. В эту ночь она передумала о многом. Вспомнила, как жила, правильно ли поступала, и в основном осталась довольна своими поступками и действиями.

Утром послышался шум мотора. К амбару подъехала машина и остановилась. Хлопнула дверца кабины. Кто-то снял замок и раскрыл дверь. Те полицаи, которые схватили её вчера и заперли в амбаре, стояли в проёме. За ними — около машины — топтался немец с автоматом. Один из полицаев, прищурясь, заглянул в полутьму амбара, отрывисто и зло гаркнул:

— А ну, выходи!

Зина спокойно шагнула на улицу, взглянула на посёлок. Немец, стоящий около машины, направил на неё автомат. Зина зябко поёжилась от утреннего холода. Полицаи подтолкнули её к заднему борту машины и приказали забраться в кузов. Она молча перебралась через борт и села на откидную скамейку. Полицаи подсели справа и слева от неё, немец сел напротив, положив автомат на колени.

«Не убежишь, — подумала Зина. — Подстрелят сразу».

Солдаты согнали к комендатуре жителей окрестных деревень, окружили их, а потом вывели на крыльцо Зину. Она стояла, босая, в одном белом платьице, и жадно вглядывалась в толпу, стараясь различить знакомые лица.

Немецкий офицер, комендант Оболи, гаркнул в толпу:

— Кто может узнать эту девчонку?

Люди стояли, низко опустив головы, и никто из них не проронил ни слова.

На неосёдланной лошади прискакал Экерт. Его вызвали по телефону. Он спрыгнул на землю и подбежал к крыльцу.

— С чем она поймана? — спросил Экерт у офицера.

— Вот с этим, — комендант протянул справку.

— Да это, господин комендант, городская девчонка. Работала у нас, между прочим, в офицерской столовой судомойкой. А после диверсии сбежала к партизанам.

— Не может быть! Почти ребёнок, — удивился офицер.

— Она самая. У неё и справка на чужое имя. В справке-то написано Мария Козлова, а на крыльце стоит Портнова Зинаида.

— Откуда эта девчонка?

— Из Питера, господин комендант. Я её хорошо знаю. Летала птичка с партизанами. Долеталась. И в подпольной организации она состояла.

23. ПОДВИГ

Прошло более суток, как Зину привезли в Горяны, что в сорока километрах от Оболи, и за это время её уже третий раз вызывали на допрос. Молодой щеголеватый офицер ввёл Зину в кабинет и вытянулся по стойке «смирно». Офицер за столом, не торопясь, пригладил волосы, вынул из кобуры парабеллум и положил перед собой. Подумав, махнул дежурному — свободен.

Офицер повернулся, щёлкнул каблуками и вышел.

— Ты довольна, как тебя били? — спросил немец. — Теперь ты понимаешь, к чему приводит молчание. Тебя будут бить до тех пор, пока не признаешься. Ты будешь говорить? Ну! Говори…

Его охватило раздражение. Он встал и заходил по комнате, затем закурил и опять сел.

— Хочешь пить? Ну! Стакан холодной воды. Отвечай. Ведь хочешь. У тебя же всё горит. Бери, пей.

Зина шагнула к столу и потянулась за стаканом. Немец отодвинул его.

— Говори — и будешь пить.

— Гад! — произнесла Зина.

Немец или не расслышал или не понял. Он сам подал стакан и уставился ей в лицо. Зина в одно мгновение выпила воду.

— Так что ты сказала? Говори. Я слушаю.

— Я сказала: гад.

Офицер изумлённо вскинул брови, лицо его побелело.

— Я уничтожу тебя. Только не теперь. Позже, — сказал он, медленно цедя слова. — А до этого мы ещё раз посмотрим, как ты умеешь переносить боль.

— Спеши, гад! Я ко всему готова.

— Мы уничтожим не только тебя, мы уничтожим ваш народ, ваши города и сёла. Мы создадим на вашей земле новый порядок.

— Вам никогда не удастся сделать этого, — выкрикнула ему в лицо Зина. — Только такие, как вы, фашисты, думаете, что способны уничтожить культуру и другие народы. Но это невозможно, как нельзя погасить солнце.

— Откуда у тебя такие взгляды? Кто научил тебя этому.

— Вы сами научили меня ненавидеть вас.

— Я уничтожу тебя.

— Пусть. Но пробьёт час, и сами вы будете уничтожены.

С улицы донеслось нарастающее громыхание гусениц. Задрожали и зазвенели стёкла в окне. Офицер подошёл к окну.

Зину будто кто подтолкнул. Она прыгнула к столу, схватила парабеллум сняла предохранитель.

— Повернись, — выдохнула она.

Немец ошалело махнул рукой:

— Что ты!.. Постой.

Зина нажала на спусковой крючок. Хлестнул выстрел, немец поджался, схватился за грудь и кувыркнулся на бок. За спиной Зины хлопнула дверь. В проёме мелькнула тень. Не целясь, Зина нажала на спуск. Дежурный офицер хотел увернуться, но наскочил на выстрел, произведённый в упор.

Зина кинулась в открытую дверь, проскочила коридор и очутилась на улице. Не мешкая, она свернула за угол и бросилась бежать в ту сторону, где виднелась река. За ней синел лес.

Девочка бежала, не слыша погони. Но вот захлестали выстрелы. Они будто рвали воздух. Зина оглянулась. Немцы и полицаи бежали следом. Задыхаясь и выбиваясь из сил, она побежала быстрее. Река была почти рядом. «Ну ещё немного! Скорей!» Зина глотнула воздух, и тут её что-то ударило по ногам, обожгло. Вгорячах она пробежала ещё метров пять, но потом ноги подкосились, и она упала, выкинув вперёд руки, словно старалась дотянуться ими до реки.

Очнулась Зина в Полоцке. Она лежала на мягкой перине, на чистой простыне, укрытая тёплым шерстяным одеялом. С удивлением огляделась. Комната была большая и светлая. В простенке, между решётками окон, стоял диван, а около койки — стол, покрытый белоснежной скатертью. На столе в белой миске — мочёные яблоки, в кринке молоко, рядом белый хлеб и плитка шоколада. А ещё на столе лежал лист бумаги.

Открылась дверь. В комнату вошла пожилая женщина в белом фартучке.

— Если пани что-нибудь потребуется, — сказала женщина, — кнопка звонка от пани справа, на стене. Вы можете вызвать меня в любую минуту. Если у пани есть какое-нибудь желание, ей стоит только приказать.

Зина насторожённо глядела краем глаза на женщину в белом фартучке и не отвечала. Её мучил вопрос: где она? Однако сознание упрямо подсказывало: молчи.

Когда ушла прислуга, появился мужчина, в тёмном костюме и белой сорочке. К его туго завязанному тёмному галстуку был приколот круглый значок со свастикой. Он ничего не спрашивал, лишь сидел молча и изредка потягивал пальцы на руках. Они хрустели в суставах, и, видимо, хруст этот доставлял ему удовольствие. Он выжидал.

«Хитрит», — подумала Зина.

Стиснув зубы, чтобы не застонать, она с трудом повернулась

на бок. Немец равнодушно потягивал пальцы. Его будто ничего не интересовало. Выражение холодных глаз было безразличным и пустым.

— Я уверен, ты не собираешься говорить. И я ни о чём не спрашиваю тебя, — произнёс он спокойно и тихо. — Но я знаю одно: тебе очень хочется жить. — Он хрустнул пальцами. — А жизнь есть бой. Земля — полигон для прицельной стрельбы. Ты попала на этот полигон, девочка. Я почти ничего от тебя не требую. Ты напишешь, — он кивнул на лист бумаги, — место партизан и останешься жить. Подумаешь и напишешь. Утром я приду.

Он встал и, не говоря больше ни слова, удалился.

Зина не могла спать. Всю ночь не стихала боль в ногах. Пробитые пулями, они ныли и точно плавились в огне. А иногда ей казалось, что в ноги будто кто-то вбивал острые гвозди, и тогда по всему телу пробегала такая боль, от которой Зина теряла сознание.

Наутро пришёл тот самый немец с круглым значком. Он оглядел продукты на столе, взглянул на лист бумаги. Лист остался чистым. Фашист похрустел пальцами и вышел.

В тот же день Зину отвезли в полоцкую тюрьму, бросили в узкую и длинную, как пенал, камеру.

Там уже находилась какая-то женщина.

Она уложила Зину на солому, подала воды.

— В гестапо была? — спросила женщина.

Зина ничего не ответила.

— В гестапо, — убеждённо сказала женщина. — Эти, в чёрных мундирах, которые принесли тебя, оттуда.

Ранним утром Зину увезли. От дороги до окраины леса её волокли под руки двое гитлеровцев. Зина не видела земли, так же как не видела ни неба, ни леса и ничего вокруг. На последнем допросе ей выкололи глаза. Губы её были искусаны.

Её поставили возле вырытой ямы. Приподняв вверх лицо, Зина прислушалась. Вокруг была напряжённая тишина. Только сзади чуть слышно шелестела листва на деревьях,

— Фойер! — раздалось где-то рядом.

Она упала на бугор лицом вперёд. Пальцы её сгребли горсть сырой, холодной земли и сжались.

Возле шоссейной дороги — между Витебском и Полоцком стоит высокий светлый обелиск. На одной стороне его надпись: «Здесь, у Оболи, в 1942–1943 годах активно действовала подпольная комсомольская организация «Юные мстители». С

другой стороны обелиска высечены имена подпольщиков, которые погибли в борьбе с фашизмом. И первым стоит имя ленинградской пионерки Зины Портновой.

После войны Зине Портновой было посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Собирая материал для книги, я приехал в Оболь.

От людей, которые хорошо знали «юных мстителей», и от их родственников я услышал о деятельности подпольной комсомольской организации. Я разговаривал с родителями, которые вырастили таких детей. Я видел маленький скромный дом, в котором жила Зина Портнова у своей бабушки. Он хранит следы тех далёких лет войны: на потолке, в матице, до сих пор ещё торчат два осколка от разорвавшегося около дома немецкого снаряда. Бабушка Зины, Ефросиния Ивановна, погибла от осколка этого снаряда.

В Оболи многое напоминает о живших здесь юных героях. Есть в посёлке и музей, который создали пионеры при своей школе. Музей занимает небольшое помещение, но в нём представлено много экспонатов: здесь и фотографии, и картины, и оружие, и личные вещи ребят. В этом музее я узнал о том, что руководитель юношеского подполья, Герой Советского Союза Ефросиния Савельевна Зенькова, живёт в Витебске. Встреча с легендарной Фрузой была для меня одной из самых интереснейших в поездке по Витебщине. Узнав в посёлке её адрес, я решил увидеть Ефросинию Савельевну и расспросить о Зине Портновой и о ребятах, вожаком которых она была в период гитлеровской оккупации.

Не без волнения подходил я к дому, в котором она живёт. Не сразу решился позвонить. Дверь открыла с виду обыкновенная женщина, невысокого роста, одетая по-домашнему, скромно. Выглядела она уставшей.

— Вам кого? — спросила женщина.

— Ефросинию Савельевну.

— Это я.

Я объяснил причину своего прихода.

Она глубоко вздохнула и улыбнулась.

— Ну что мне делать, Я так неважно себя чувствую.

В прихожую вышел муж Ефросинии Савельевны. Он поздоровался и сказал:

— Не возвращаться же ему не поговорив. Ведь человек издалека, специально ехал. Придётся тебе уделить немного времени.

Ефросиния Савельевна взглянула на мужа, улыбнулась и опять вздохнула,

— Проходите, пожалуйста, И что с вами только делать? То пионеры, то рабочие, то журналисты, то из села приедут. Видно,

никуда не денешься от вас,

Она достала альбом с фотографиями и положила на стол. На первой же странице я увидел фотографию девочки с косичками, Это была Зина. Долго и взволнованно глядел я на обаятельное светлое лицо пятнадцатилетней девочки. Она улыбалась открыто и радостно, а глаза умные и весёлые были полны счастья жизни.

— Расскажите мне о ней, — попросил я.

— Что? — переспросила Ефросиния Савельевна.

— Всё. Всё, что знаете. Всё, что помните. Какая она была?

— Ах, если бы мне знать тогда, что она такая. Я бы всё запомнила: каждое слово, каждый час её жизни. Но ведь никто не предполагал, что наша маленькая Зина шагнёт в бессмертие. Она была такая, как все наши дети. Скромная и красивая. Простая и сложная. С сильным характером. С замечательным сердцем и богатым внутренним миром. И в то же время она была простая и обыкновенная.

Я часто думаю о моих боевых товарищах. Тяжело вспоминать годы войны, годы подполья. Всегда щемит сердце, лишь только вспомню моих боевых ребят. Сердце моё не может примириться с утратой. Всегда и повсюду, в любое время они рядом со мной, вечно юные мальчишки и девчонки из «Юных мстителей».

Самое бесценное, что есть в нашей жизни, — это дети. И ничем не восполнима утрата для матерей, сыны и дочери которых погибли в борьбе. Но счастливы, и горды, и богаты духом те матери, которые взрастили таких детей, как Зина Портнова.

Я тихо листаю альбом — страницы открывают одну фотографию за другой: Нины Азолиной, Марии Дементьевой, Евгения и Владимира Езовитовых, Марии Лузгиной, Николая Алексеева, Надежды Дементьевой, Нины Давыдовой, Антонины и Зинаиды Лузгиных, Феди Слышанкова, Валентины Шашковой, Зои Сорантаковой, Марии и Дмитрия Храбценко.

«Юные мстители» — парни и девчата, не успев доучиться, со школьной скамьи вступили в бой с врагом, победили и остались юными и всегда будут в памяти народной.

Простые, открытые, чистые лица. Дети рабочих, крестьян. Не пожалевшие самого дорогого — жизни — во имя Отчизны. Все они разные по облику и характеру и одинаковые тем, что воспитывались у одной матери — Родины.

— Какие они были? Что их отличало от других таких же сверстников?

Ефросиния Савельевна с задумчивой грустью смотрит на фотографию Зины Портновой и негромко произносит:

— Они были такими же, как все наши советские дети. С виду скромные и обыкновенные…

Люди, которые жили с ними рядом и знали их, говорили мне, что любили они ещё с детства песни слушать и сами любили петь. Чистую, быструю речку Оболь любили. Школу свою любили. Книги, глобус… Небо синее, солнце любили. Наши бескрайние леса Белоруссии. Босыми любили бегать по земле своей. В санках с горки любили кататься. Весной половодье и дождик тёплый любили. Цветение яблонь любили. Летом луг любили, цветы и осенние яркие листья. Костры пионерские и походы, крепких, верных товарищей, дружбу чистую любили. Жизнь любили! Но больше жизни — любили Отчизну!

Редактор В. Н. Курбатов Художник А. И. Пауков Художественный редактор Г. Л. Ушаков Технический редактор Н. В, Коргина Корректор Р. М. Рыкунина

22 коп.